

Михаил ГРИШИН

г. Тамбов

ОСТРОВ С ПРИЗРАКАМИ,

ИЛИ *Необыкновенные приключения Витьки Картошкина и его друзей Колюни и Вовгица*

18

В лесу стояла тишина, наполненная запахами трав и цветов. Сквозь листву просачивались тонкие солнечные лучи. Золотистые блики дрожали на земле.

С каждым шагом путешественникам приходилось всё труднее, потому что лес становился гуще. Всё таинственнее и непроходимее был лес, особенно для людей, на которых из одежды были надеты только трусы.

Разросшиеся здесь до невероятных размеров шиповник, крапива, неизвестное растение, очень похожее на колючую проволоку, — всё это будто специально старалось нанести вред здоровью: кололось, стрекалось, путало ноги и жгло.

И если бы не болотная грязь, которая на жаре подсохла и превратилась в крепкий, как у черепахи, панцирь, дела совсем никуда бы не годились. Одно от грязи было неудобство: кожа зудела настолько сильно, что приходилось всё время высматривать самые шершавые деревья и чесаться о кору, как запаршивевшие поросята.

— Вот найдём рюкзак, — мечтал Витька, — тогда сразу пойдём к реке смывать грязь. Ох, и накупаемся!

Углубившись в дебри острова, путешественники наткнулись на холмистую поляну, усыпанную спелыми сизыми ягодами брусники.

При виде крупных, как орехи, ягод Пельмень широко раскрыл глаза, видимо решив, что от голода с ним случилась галлюцинация. Давясь слюной, он несколько минут внимательно рассматривал кусты, потом осторожно протянул руку и отщипнул одну ягоду. Замурив глаза и сильно причмокивая губами, Пельмень начал её жевать, пытаясь распробовать. И вдруг, радостно захихикав, принялся обеими горстями запихивать ягоды в рот и заглатывать их, почти не разжёвывая. Самое странное, что на одном месте ему не сиделось, он то и дело перебегал от одного куста к другому, который казался ему чем-то лучше... Обезжав таким образом всю поляну, Пельмень

Окончание. Начало в № 1-2 2012 г.

нырнул в кусты и примолк, только шорох и сопенье слышалось, будто там орудовал маленький медвежонок.

Вовчик, который видел всю сцену с Пельменем, покрутил пальцем у виска и печально изрёк:

— С обжорами такое часто случается...

Витька тоже подумал, что Пельмень немного не в своём уме, и трогать его не решился. Правда, иметь дело с такими больными ему ещё не приходилось, поэтому он не знал, как полагается вести себя в таких случаях, но то, что лучше их не злить, — догадывался.

— Пока он будет кормиться, — сказал Витька Вовчику, — давай одни разыскивать рюкзак. А на обратном пути мы Колюню заберём. К тому времени он, может быть, в свой ум войдёт...

Вовчик развлекался тем, что по одной подбирал ягоды и ловил их ртом.

— Войдёт, — согласился он. — Попасётся вволю... и войдёт.

Но рюкзак им разыскивать не пришлось, потому что он сам нашёлся.

— Ого! — раздался в кустах удивлённый голос Пельменя. — Рюкзак!

Потом до него, очевидно, дошло, что сюда они заявили именно за рюкзаком, а не брусничкой объедаться, и он загорланил:

— Эй, вы! Где вы там? Я рюкзак нашёл!

Зашевелились кусты, и вышел Пельмень, победоносно потрясая рюкзаком. Его перепачканное в брусничном соку лицо сияло.

— Если бы не я, — капризным голосом заявил Пельмень, — вы ни за что бы не нашли рюкзак. Прошли бы мимо него... и дальше пошли... Так и бродили бы целый день по острову... как лунатики.

По его довольноному виду затруднительно было определить — вошёл он в свой ум или ещё не совсем, и Витька, чтобы Пельменя не злить, миролюбиво сказал:

— На тебя и была вся надежда.

— Правда? — обрадовался Пельмень, и его без того широкое лицо от расплывшейся улыбки стало ещё шире, как в старые добрые времена, когда он постоянно находился при своём уме.

Витька осторожно поинтересовался:

— Ты... в порядке?... Наелся?..

Пельмень даже поперхнулся от изумления:

— А что?

— О твоём здоровье беспокоюсь, — ответил Витька, что, в принципе, соответствовало действительности.

Пельмень, недоверчиво поглядывая на Витьку, честно прислушался к тому, что у него происходит в животе, и признался:

— Ещё немного подкрепиться не мешало бы.

Витька поощряюще улыбнулся:

— Валяй!

Пельмень быстро пошёл к своим кустам, минутно оглядываясь на Витьку, мало веря в его прославленную доброту.

От голода у Витьки у самого сосало под ложечкой, и он, поудобнее пристроив за спиной рюкзак, начал наедаться ягодами.

— А ещё едят траву, — принялся рассуждать начитанный Вовчик, с наслаждением уплетая сочную бруснику. — В войну, например, даже лебеду ели... Это мне уже бабушка рассказывала... От этого люди пухли и умирали...

Вначале Витька с интересом прислушивался к тому, что рассказывал Вовчик, а потом ему стало не до того, потому что, раздвинув ягоды брусники, он обнаружил самую настоящую дверь. Целую минуту Витька стоял с разинутым ртом, ошеломлённый такой необычной находкой.

Подошёл Вовчик и выжидательно уставился на Витьку, потом спросил:

— Что это?

Витька слотнул пересохшим горлом и неуверенно сказал:

— Наверное... вход... в землянку...

Ещё подождал чего-то и надавил ладонью. Неуклюжая дверь, сбита из неровных сучковатых досок, с протяжным стоном подалась внутрь.

В лица мальчишкам ударило спёртым запахом нежилого помещения.

Выглядывая из-за Витькиного плеча, Вовчик приглушённым голосом сказал:

— Как тут темно.

Витька немного постоял, потом сделал глубокий вдох и, подсвечивая себе фонариком, опасно шагнул в землянку, готовый в любую секунду рвануть назад.

— Ну как? — шёпотом спросил Вовчик, помаленьку продвигаясь за Витькой.

— Сам смотри... — тоже шёпотом ответил Витька.

Внутри землянка имела вид довольно обжи-

той, словно её обитатели отлучились всего лишь на минутку: на столе стояли несколько алюминиевых кружек, помятый, закопчённый от долгого использования чайник да чёрные брусочки непонятого происхождения, которые при ближайшем рассмотрении оказались окаменевшими кусочками ржаного хлеба. Под потолком висел фонарь «Летучая мышь».

И только копившаяся годами пыль, покрывшая вокруг всё толстым пушистым слоем, да мышами источённая в труху постель на лежанках указывали на то, что однажды люди вынуждены были временно покинуть это место, но впоследствии так сюда никогда и не вернулись.

В это время где-то рядом раздался крик Пельменя:

— Эй, вы где?

Вовчик открыл было рот, чтобы откликнуться, но Витька, быстро приложив к своим губам палец, зашипел на него не хуже змея, давая знак молчать, а сам предложил:

— Давай напугаем!

Витька с Вовчиком примолкли, готовясь к захватывающему зрелищу: как Пельмень испугается и с испуга упадёт в обморок.

Пельмень, не догадываясь об ожидавшей его участи, не спеша шёл по поляне, недоумевая, куда могли запропасться его товарищи, и время от времени покрикивал:

— Э-эй! Э-эй!

— Сейчас ты у меня не так запоешь! — хлопотал Витька.

И он, раздвинув листья брусники, швырнул в него гнилушкой.

Вытянув шеи, мальчишки глядели, что станет делать потерявшийся Пельмень.

Тот сразу встрепенулся и начал озираться по сторонам. Потом, по-видимому, что-то заподозрил и не дыша, ступая на носочках, как балерина, двинулся к ближайшему кусту.

Витька с Вовчиком не выдержали и захихикали, высунувшись наружу.

— Ты случайно не записался в Большой театр? — подковырнул его Вовчик.

Пельмень до того смутился, что застыл на месте, забыв опустить ногу, и даже не удивился обнаруженной землянке, только с опаской пробормотал:

— А там никого... нет?

— Не бойся, — успокоил его Витька. — Теперь мы здесь хозяева! — И он на правах нового владельца гостеприимно пригласил, предупредительно подсвечивая фонариком:

— Заходи... не стесняйся!

Пельмень вошёл, разглядывая стены и потолок.

— Здорово тут... Только сыро... И, наверное, крысы водятся?..

— Это ничего, что сыро, — ответил Витька. — Вот оставим дверь на весь день открытой, и всё высохнет. А то что крысы водятся, это просто даже замечательно... Нам теперь долго здесь придётся проживать... За это время мы не только крыс приручим, но и другую какую-нибудь живность... И будут у нас свои крысы — ручные... Хотя я что-то их здесь не видел... Но это ничего. Если надо, мы их специально разведём...

— Зачем? — испугался Пельмень. — Ну их!

— Ты просто ещё не знаешь, как с ними бывает весело! — горячо заступился Витька, словно его самого воспитала крысиная стая. — Шустрые такие... длиннохвостые... В общем, не соскучишься!..

Пельмень содрогнулся и поспешил выйти на свежий воздух, оправдываясь тем, что с отмытием болотной грязи затягивать дальше ни в коем случае не следует, потому что если она окаменеет, то иначе как зубилом её ни за что не срубить.

Вовчик сразу оживился:

— И станем мы тогда неуязвимые, как терминатор в броне... Всё нам будет нипочём...

— А как ты тогда будешь в школу ходить? — полюбопытствовал Пельмень. — Дураков нет в одних трусах тебя в школу пускать. А на броню надевать новую школьную одежду тебе мать не разрешит.

— Это точно... — вздохнул Вовчик. — Хоть и на броню... а не разрешит.

Витька обдумал создавшееся положение и посоветовал:

— Тогда тебе лучше школу бросить.

Пельмень, ухмыляясь неизвестно чему, объявил:

— Даже если он школу бросит, что маловероятно, будь он хоть каким учёным-разучённым... всё равно зимой он в своей броне по морозу ходить не станет... Значит, придётся ему всю

зиму дома отсиживать... А без книжек он читать разучится и сразу поглупеет...

— А я заранее в библиотеке книжками запасусь, — быстро придумал Вовчик, обеспокоенный тем, что не сможет плодотворно заниматься наукой, — чтобы на всю зиму хватило.

— Так они тебе и дали! — засомневался Пельмень. — Там и другие читатели имеются, кроме тебя.

Вовчик, удручённый нерадостной перспективой превратиться из всемирно известного учёного в городского дурачка Серёню, вдруг, выпучив глаза, страшно заорал:

— Ну чего вы встали? Пойдёмте скорее уже отмываться!

Пельмень с удивлением оглядел его, подняв белобрысые бровки, и сказал:

— Так я об этом уже целый час твержу.

— Твердит он... — буркнул Вовчик.

Витька вспомнил, что, когда шли сюда, ему показалось, будто за деревьями блеснула вода.

— А ты уверен, что это не мираж? — пристал к нему Вовчик, с тревогой ощупывая себя каждые полминуты.

— Это мы сейчас проверим, — обнадёжил его Витька и, вместо того чтобы незамедлительно отправиться в путь разыскивать спасительную воду, сам занялся дверью: распахнул её настежь и, как было, замаскировал листьями. Потом со стороны полюбовался, насколько получилось всё незаметно, и только вполне удовлетворившись своей работой, сказал: «Пошли!»

19

Отряд быстрым походным шагом направился к месту предполагаемого расположения водоёма, если пользоваться языком военных. А так как Витька прошлым летом одно время числился командиром особого отряда, то обширные познания в военных науках, которые успел получить в силу своей должности, он иногда по старой привычке применял и в мирной жизни.

Неожиданным препятствием на пути отряда оказалась густая чаща молодого сосняка, которого раньше на этом месте как будто не было.

— Куда это мы попали? — забеспокоился Вовчик. — Наверное, заблудились?

— Просто мы дорогу немножко срезали, — схитрил Витька, сам с удивлением взирая на сосенки.

— Чтобы скорее дойти? — осенило Вовчика.

— Ну, конечно, — сказал Витька. — А ты думал, что мы заблудились?

— А вдруг! — не унимался Вовчик. — Ну а вдруг!

Витька поднёс к его лицу кулак и внушительным тоном спросил:

— А это видел?

Вовчик с опаской скосил глаза и дрожащим от обиды голосом сказал:

— Ты это чего?.. Грозишься, что ль?

— Кто грозитя? — поразился Витька бестолковости прославленного учёного. — Компас на руке видишь?

— Ну... вижу...

— Вот по нему мы и идём.

— Это другое дело... — просветлел Вовчик.

Получив множество лёгких ранений в виде разнообразных царапин на теле, отряд скоро выбрался из сосняка и вошёл в лиственный лес.

Над головой хоть и смыкались верхушки деревьев, создавая тенистый полог, внутри стояла нестерпимая духота. Идти по сухой горячей траве было ничуть не лучше: путешественники то и дело спотыкались, натыкались на сучки и обливались потом.

Наконец лес поредел, и за нагретыми стволами деревьев блеснула зеркальная гладь.

Стремительно проведённый марш-бросок, в удачный исход которого Витька, честно говоря, и сам слабо верил, заведя свой отряд в незнакомую местность, как Иван Сусанин поляков, восстановил его пошатнувшийся было авторитет.

Воспрявшие духом путешественники наперегонки побежали к долгожданной воде.

Это было красивое лесное озеро, которое имело правильную форму блюдца. На его берегу росли черёмуха и ольха, перевитые плетями хмеля, а в воде цвели белые, как сахар, лилии. В одном месте даже находился свой крошечный пляжик с жёлтым песочком, на котором стоило обязательно поваляться. Тихая спящая вода так и манила в свои ласковые объятия. Купаться в таком сказочном озере было одно удовольствие.

Витька сразу принялся показывать, как он умеет плавать. Он плывал «по-морскому», «по-со-

бачьи», «по-лягушачьи», «по-дельфиньи», «по-кроличьи» и всеми остальными доступными человечеству способами.

Вовчик боязливо присел на корточки у самого берега отмывать. Потом он нашёл одну створку раковины и, пользуясь ею как скребком, принялся счищать с себя грязь с таким ожесточением, что стало страшно за его нежную кожу, которая к подобному обхождению не привыкла и могла запросто вся сползти, как у какого-нибудь удава. Только для удава ничего особенного в этом нет, потому что он привык сбрасывать свою кожу каждый год, что для Вовчика, естественно, было неприемлемо в силу наличия у него единственного экземпляра кожи.

Пельмень оказался более смелым и вошёл по пояс. Заткнув пальцами, как баба, нос и уши, он стал окунаться с головой. Посидит под водой, пока вода хватается, а потом как выскочит и давай лицо ладонями вытирать, будто елот-полоскун.

Накупавшись до дрожи, Пельмень с Вовчиком с удовольствием расположились на песочке позагорать. После водных процедур кожа у них выглядела чистенькой, розовенькой, как у молочных поросят.

Витьке тем временем надоело демонстрировать свои незаурядные способности в плавании, и он решил основательно заняться новым для себя видом водного спорта — подводным нырянием на дальность, скорость и глубину.

Держась на плаву, он крикнул:

— Пацаны, смотрите! Сейчас я доньрну во-он до тех кустов... Не успеете вы сосчитать и до десяти... Приготовились, начали!

Витька кувыркнулся и пропал в воде, напоследок мелькнув трусами. И если бы не оставшиеся после него круги на поверхности, никогда не поверишь, что на этом самом месте только что торчала его улыбающаяся физиономия. При счёте «три» круги рассеялись, и уже ничто не напоминало о смелом ныряльщике. Не шелохнулась водная гладь и при счёте «десять» и даже «пятнадцать». А на счёте «двадцать» затея с нырянием Пельменю с Вовчиком показалась довольно сомнительной, и они жалобными голосами закричали:

— Э-эй, ты где?

— Кончай дурить, выныривай!

— Это уже совсем не смешно!

Звонкое эхо весело прокатилось по водной глади и с той стороны с насмешкой отозвалось многократным: смешно... смешно!

— Что будем делать? — запаниковал Вовчик.

Пельмень с тоской взирал на безмятежно спящее озеро и молчал, полный страдальческих дум. По всему было видно, что отчаянный Витька никогда не соберётся выныривать, а поселился под водой как человек-амфибия. По толстой щеке его скатилась скупая мужская слеза.

Вовчик поглядел на него, скривил лицо и тонким голосом прямо по-щенячьи заскулил:

— У-у... у-у... у-у...

Пельмень положил ему на плечо свою тяжёлую руку. Вовчик в ответном порыве благодарно обнял широкую спину последнего оставшегося в живых товарища. Губы у Пельменя прыгали, не находя себе места. Прерывающимся голосом он сказал:

— Му... жай...ся.

Но тут тихие воды лесного озера вдруг, как в сказке о царе Салтане, расступились, и из них... нет, не вышли «тридцать три богатыря в чешуе, как жар, горя», а вынырнул Витька и что мочи заорал:

— Пацаны, я на дне ящик какой-то нашёл! Надо его вытащить и поглядеть, что в нём находится. Кидайте лассо!..

Потом он с подозрением пригляделся к сладкой парочке и страшно заорал:

— Чего глаза вылупили? Верёвку, говорю, дайте!

— Ты разве не уто... — начал было Пельмень, но своевременный тычок быстро вернул ему соображение. Он вытер покрасневшие глаза и спешно начал разматывать верёвку, то и дело взглядывая на Витьку.

— Здоровенный такой ящик, — между тем делился подводными впечатлениями Витька. — И лежит, наверное, давно... Осклизлый весь, почти наполовину в ил вошёл... Мне одному не справиться.

— Сейчас мы его вытащим как миленького, — деловито хлопотал Пельмень. — Что для нас какой-то там ящик?.. Что мы, ящиков никогда не видели?.. Вытащить его для нас не составит труда... Держи!

Витька ловко поймал конец верёвки.

Когда его мокрый затылок исчез под водой, Пельмень доверительно сообщил Вовчику, как человеку, мало общавшемуся с Витькой вне школы:

— С ним не соскучишься. До всего ему дело есть. Он такой!

— Без меня не начинайте! — раздался вдруг голос самого Витьки, который, скоро упривившись, плыл к берегу «по-морскому».

Пельмень многозначительно подмигнул Вовчику:

— А я что говорил!

Стали тянуть. Верёвка звенела как струна.

На то Витька и слыл бывалым, что заранее всё предусматривал: прихватил с собой верёвку капроновую, а не абы какую... Другая давно бы оборвалась от такой тяжести. А этой хоть что!

— Тянем на счёт три, — скомандовал Витька, утерев рукой мокрое от пота веснушчатое лицо. — Раз, два, три! На-ва-лись!

Мальчишки упёрлись в землю и изо всех сил поднатужились, будто всё дружное семейство деда вышло тянуть пресловутую репку.

— Тяжёлый... зараза, — пыхтел раскрасневшийся Пельмень, ворочая занемевшей шеей.

На широкий лист лилии вскарабкалась лягушка и выпученными глазами стала наблюдать, как трудились путешественники. Может, это была никакая и не лягушка, а самая обыкновенная царевна, только заколдованная. А то зачем же ей сидеть возле цветка?

Над водой робко всплыл один пузырь, через минуту другой.

— Стронулся ящик, — определил по этим самым пузырям красный и потный Вовчик, славившийся своими поразительными способностями к усвоению всевозможных научных примет.

От такого сообщения дела сразу пошли намного веселее. В скором времени загадочный ящик, который Витьке посчастливилось найти на дне озера, был вытянут на песчаную отмель.

20

Пользуясь методом дедукции, изобретённым в своё время знаменитым сыщиком Шерлоком Холмсом, Витька безошибочно ус-

тановил армейское происхождение ящика по его зелёному защитному цвету. А по крепким свежим доскам и ещё не тронутым ржавчиной металлическим защёлкам то, что ящик никакого отношения к прошедшей войне не имеет. И пролежал он на дне не больше года, даже, может быть, с прошлого лета.

Но вот что находится в самом ящике, Витька, хорошо усвоивший метод великого сыщика, сказать затруднился, туманно объяснив это большими возможностями замечательного ящика, в котором хранить можно всё что угодно. И сам он нисколько не удивится, обнаружив внутри старинный клад. Правда, о том, как может оказаться старинный клад в современном ящике, почему-то умолчал...

Пельмень с Вовчиком, давно с нетерпением дожидавшиеся, когда Витька перестанет разглаговльствовать и приступит к открыванию таинственного ящика, заметили:

— Гадать тут нечего...

— Лучше самим взглянуть на содержимое...

Витька открутил проволоку, скрепляющую для надёжности защёлки, и с опаской открыл ящик.

Как и следовало ожидать, от несметных сокровищ в глазах не зарябило, потому что дураков нет их перепрыгивать, чтобы кто-нибудь другой нашёл и воспользовался.

В ящике лежали объёмистые целлофановые пакеты.

Витька, окинув товарищей быстрым взглядом, взял один и развернул.

У Пельменя спёрло дыхание:

— Ничего себе!..

В руках Витька держал большой чёрный пистолет.

Пельмень не смог пересилить всё возрастающее любопытство и с криком: «Дай сюда!» — выхватил у него пистолет и начал внимательно разглядывать.

С нервным смешком Витька развернул следующий пакет и достал из него точно такой же пистолет. Его руку оттянула приятная тяжесть, а по спине пробежал ранее не ведомый ему холодок. Витька с удовольствием подержал смертоносное оружие и протянул его Вовчику:

— На, посмотри.

Вовчик быстро спрятал руки за спину и, мотая головой, даже отступил.

— Интеллигенция! — пренебрежительно обозвал его Витька, скривив губы.

— Никакая я не интеллигенция... — уныло ответил Вовчик. — Просто не хочу никого убивать.

Витька тотчас сообщил ему непреложный закон любой войны, жёстко гласивший о том, что если не убьёшь ты, то убьют тебя...

— Так то на войне, — вздохнул Вовчик. — И то если Родину защищаешь, а если просто так... Зачем?

— Как знаешь, — не стал настаивать Витька.

Он отложил пистолет и принялся разворачивать все пакеты подряд, достав из них, кроме тех двух пистолетов, два автомата, один наш ППШ, другой немецкий «Шмайсер», винтовку, много патронов, которые пересчитать решили позже, и даже одну неразорвавшуюся гранату.

Это был самый настоящий клад с оружием. Однако оружие хоть и было тщательно вычищено и смазано какой-то специальной смазкой от ржавчины, было не новое, можно сказать, совсем даже не новое, а относилось к той давней поре, когда происходили ожесточённые бои на острове. Каким образом всё это в современном армейском ящике попало в воду, хранила жуткая тайна.

Между тем Пельмень настолько освоился с пистолетом, что начал проделывать с ним всякие штучки, которые в избытке демонстрируются по телевизору во всевозможных боевиках. Крепко держа боевое оружие двумя руками, он то становился на одно колено, то приседал, то стремительно поворачивался попеременно в разные стороны, то целился через своё плечо и, если бы не вода под ногами, наверное, не удержался бы от кувырков через голову и других не менее сложных пируэтов. Что немаловажно, при этом он ещё умудрялся стрелять, изображая стрельбу оглушающе громким голосом:

— Бах! Бах! Бах!

Не оставив в живых ни одного злобного монстра и тем самым спасши всё человечество от неминуемой вселенской катастрофы, Пельмень уgomонился и, тяжело дыша (работёнка всё-таки не из лёгких — спасать человечество), сказал:

— Это здорово, что мы оружие нашли. Теперь нам пятёрки точно обеспечены. А то

Фантомас только и знает, что твердит и твердит своё: «Митрофанушка да Митрофанушка». Теперь он только пусть попробует пятёрки нам по истории не поставить!

Витька вырвал у него пистолет и заорал:

— Ты что, совсем голову потерял из-за своего Митрофанушки?

— Ты чего? — растерянно заморгал Пельмень.

— Это ты чего? — продолжал неистовствовать Витька. — Подумаешь, Митрофанушкой его обозвали!

У Пельменя задрожали губы, и он с обидой поинтересовался:

— Мне теперь что же — радоваться?

— Не радоваться... Но и печалиться ни к чему. Я тоже один раз пару схлопотал по его предмету... Контурная карта ему, видишь ли, не понравилась!.. Филькина грамота, говорит. А по-моему, так он должен был за неё не меньше пятёрки с плюсом поставить... Попробовал бы он сам на перемене за пять минут успеть такую сложную карту нарисовать!.. Ни за что ему не нарисовать, хоть он всю жизнь и учителем проработал. Здесь особый талант требуется!.. А он — Филькина грамота...

Тут подключился Вовчик, неожиданно вспомнив, что когда-то давно Пельмень взял у него почитать очень ценную книгу и присвоил, наверное посчитав, что за давностью хозяин совсем запамятовал о её существовании.

Пельменю претензия показалась надуманной, и, чтобы в корне её опровергнуть, он привёл веские доводы:

— Ты сам сказал: «Оставь её себе... Книга старая, наполовину порванная... А без страниц от неё никакой пользы нет, потому что самое интересное бывает в конце книги, а его-то вот как раз и не было».

— А теперь она мне потребовалась, — настаивал Вовчик. — У меня без неё, может быть, все научные разработки остановились... И просто необходимо именно начало...

— Где ж я тебе её возьму, — изумился Пельмень непостоянству его характера, — когда она давно уже на свалке?

Вовчиковы глаза за очками превратились в две узкие китайские щёлки. В каких грехах он собирался дальше обвинять совершившего коварный проступок Пельменя, так и осталось

тайной, потому что к этому моменту Витька перевёл дыхание и продолжил распекать:

— Но я же не угрожаю ему. А если самому плохо учиться, то так можно всех учителей на свете перестрелять!..

До Пельменя, видно, дошло, в каком гнусном намерении его подозревают, и он, вздрогнув от возмущения, сам закричал громче Витьки:

— Да как вы могли обо мне такое подумать?! Я что, предатель какой-нибудь, чтобы в своих стрелять? Пусть хоть до самой свадьбы меня Митрофанушкой обзывает, мне-то что из того? Как начну вот не лениться, так он и удивится, что теперь ему придётся ставить мне одни пятёрки... А имел в виду я школьный музей... Фантомас обрадуется такому количеству оружия и от радости нам всем по пятёрке поставит... А раз такое дело... если вы обо мне такое подумали... не нужна мне его пятёрка. Пусть себе её оставит.

— Так сразу и сказал бы, — начал успокаиваться Витька. — А то стоит тут пистолетом размахивает. Что мы должны были подумать? Вот мы и подумали...

— Да вы что, пацаны, — волновался Пельмень. — Да я за вас... Да я за Фантомаса...

Чтобы Пельменя не хватил удар, срочно требовалось попоить его водичкой — так положено при стрессах.

С жалостью глядя на его трясущиеся щёки, Витька, отвинтив пробку, протянул ему солдатскую фляжку.

— Пей, — приказал он.

Вовчик как один из активнейших участников травли ни в чём не повинного товарища, заглаживая свою вину, подобострастно пояснил:

— От стресса помогает.

Пельмень послушно сделал один глоток, весь скривился и начал отплёвываться:

— Вы что, отравить меня хотели?

Вовчик, на всякий случай отступив, поинтересовался:

— А что такое?

— Это не вода! — содрогнулся Пельмень. — Это всё равно как если бы я солонку облизал.

— Чего ты несёшь? — обиделся Витька. — Самая обыкновенная вода... только слегка подсоленная. В любом походе первое дело иметь такую воду. Потому что соль вместе с потом из организма

вымывается и её требуется постоянно восполнять... Любой, кто в путешествиях хоть что-то смыслит, подтвердит.

— Это правда, — поддакнул Вовчик и, видно, желая придать своим словам большую весомость, сослался на «Справочник туриста».

Но попытка убедить Пельменя в том, что подсоленная вода намного полезнее обыкновенной, оказалась занятием совсем никчёмным. Сделать ещё хотя бы один глоточек для восстановления сил он наотрез отказался, сказав, что даже под пытками соль никогда не полюбит, а сил у него и без соли хватает, что очень просто проверить: достаточно взвалить ему на плечи ящик, который он унесёт в любое место, не успеют они и глазом моргнуть.

21

Конечно, любому интересно посмотреть, как Пельмень справится один, и Витька с Вовчиком его охотно поддержали, даже помогли нагрузить на плечи ящик с оружием.

Пельмень с задумчивым видом постоял, видимо, для того, чтобы привыкнуть к грузу, и тяжело тронулся с места.

Чтобы Пельменю шагало веселее, Вовчику захотелось его развлечь. Глядя на его заплетающиеся ноги, он предложил:

— Хотите, я вам смешной анекдот расскажу?

— Валай! — махнул Витька.

— Значит, так, — начал Вовчик, заранее прыская в кулак. — Заходит маленький мальчик в охотничий магазин и говорит: «Мне, пожалуйста, карабин «Сайга», тридцать патронов и туристические спички». А продавец ему и отвечает: «Мальчик, спички детям не игрушка!» — и Вовчик во всё горло расхохотался, даже ногами затопал от веселья.

Однако Пельмень почему-то не развеселился, наверное, не понял шутки. Без особой радости он шёл какой-то странной походкой, очень напоминающей первобытного человека на полусогнутых ногах. Трясущиеся ноги у него с каждым шагом подгибались всё больше, и наконец Пельмень тяжело опустился на колени, постоял в таком положении несколько секунд и рухнул ничком, чуть не придавив самого себя ящиком.

Дождаться, пока Пельмень сам донесёт ящик с оружием до землянки, стало некогда, потому что небо затянули тучи.

— Давай понесём вместе, — сказал Витька, заранее злясь, что Пельмень со своим настырным характером начнёт артачиться. Но Пельмень нисколько не заартачился и даже не застыдился предложенной помощи, а, взглянув на Витьку, удивительно быстро согласился:

— Давай!..

Но и для двоих ноша оказалась не из лёгких.

Солнце заслонила дымчатая тучка. Луч, на мгновение прорвавшись сквозь неё, осветил берёзки золотистым светом и погас. Подул ветерок, неся прохладу и сладковатый запах ивовых листьев. Громыкнул гром, и первые капли робко зашуршали в листве.

Витька с Пельменем, сгибаясь под тяжестью, как два вопросительных знака, прибавили шаг, а Вовчик, который прогуливался позади них с одним рюкзаком за плечами, как маленький принялся скакать на одной ноге и распевать:

*Дождик, дождик, посильней,
Разгони моих гусей.
Мои гуси дома,
Не боятся грома!*

Грозовая туча послушно закурилась пепельным дымом и заволокла всё небо. Зловеще блеснула извилистая молния, срезав макушку высокой сосны. Над головой раскололся гром невиданной мощи. Хлынул ливень.

— Скорее! Скорее! — закричал Вовчик с такой силой, будто горло было у него лужёное. — Что вы как неживые?..

— А нечего было дождь приманивать, — разозлился Витька. — Колдун сопливый!

Вовчику на месте не стоялось, будто его всё время жалили невидимые пчёлы.

— Откуда я знал, что на этом паршивом острове всё сбывается! — крикнул он.

В землянке заклинатель дождя быстро забился в угол и притих.

— Ну ладно... — подобрел отходчивый Витька, зажигая фонарь «Летучая мышь», и миролюбиво посоветовал Вовчику: — Ты поближе к печке пододвигайся... Сейчас мы её затапливать будем.

В тусклом жёлтом свете фонаря на стенах колебались огромные чёрные тени.

Витька разломал лежанку и попихал дрова в печку, которую в железной бочке из-под горячего смастерил неизвестный умелец военной поры. Сразу было видно, что печку делали по всем правилам печного дела, так как гнилые дрова разгорелись быстро. Жар от раскалившейся докрасна бочки начал заполнять землянку.

Снаружи гремели громы, сверкали молнии, гнулись под ветрами деревья, а здесь было тихо и уютно, как в домашней обстановке.

— Давайте считать патроны, — сказал Витька. — Очень мне любопытно узнать, сколько их штук.

— И давайте зарядим один пистолет, — подсказал Пельмень. — Будем практиковаться в стрельбе. Пока на острове нет никого из взрослых, которые вечно недовольны, когда мальчишки из чего-нибудь стреляют.

— Дельное предложение, — охотно согласился Витька, которому тоже интересно было пострелять из настоящего пистолета. — А ничего... котелок у тебя, оказывается, варит.

— Чур я первый стреляю! — разошёлся Пельмень. — Потому что это я придумал.

От радости он подскочил к ящику и с воплем «Буду сейчас заряжать обойму!» схватил пистолет и горсть патронов.

— Я стрелять не хочу, — подал голос Вовчик.

— Как знаешь, — утешил его Витька. — Тебя никто не заставляет.

Оттого что стрелять не надо, Вовчик воспрял духом и переместился к товарищам за стол. Глядя, как Пельмень неумело обращается с оружием, он злорадно сказал:

— Ты никогда его не зарядишь.

— Много ты знаешь, — ухмыльнулся Пельмень. — Мне дядька показывал, как это делается... А он у меня знаешь кто?.. Не зна-а-аешь!.. Он у меня спецназовец, вот кто! И поболе твоего знает.

И точно, упрямый Пельмень всё-таки сумел выщелкнуть обойму и начал набивать в неё патроны, от удовольствия высунув кончик языка.

Неожиданно входная дверь сама по себе медленно и зловеще отворилась и, постояв неподвижно несколько секунд, захлопнулась с таким грохотом, что в фонаре заметался огонёк, а с потолка посыпалась земля.

Мальчишки испуганно переглянулись.

— Это от ветра, — криво улыбаясь, сказал Витька. — Там даже вертушка прикреплена... на случай ветра...

Такое простое объяснение уверенности, конечно, никому не придало, и мальчишки притихли, настороженно прислушиваясь. Ничего исключительного не происходило.

Тогда Витька выбрался из-за стола и, не сводя глаз с двери (а Вовчик и Пельмень — с Витьки), с опаской стал приближаться. Когда до двери оставалась каких-то пара шагов, Витька подскочил и, быстро повернув вертушку, стремглав вернулся за стол.

— Порядок!

Мальчишки опять занялись своими суровыми мужскими делами, не забывая время от времени коситься на такую непредсказуемую дверь. Спустя минуту выяснилось, что напрасно они не доверяли самой обыкновенной двери, потому что странности начали происходить уже с печкой. Горевшая весёлым оранжевым пламенем, раскрасневшаяся от собственной значимости, она вдруг неизвестно отчего закапризничала и нещадно задымила. Такого подвоха от хваленной печки мальчишки совсем не ожидали.

Растирая защипавшие глаза кулаками, Пельмень сказал:

— Наверное, в трубу что-то попало... Надо посмотреть...

— Это ты кому сейчас сказал? — поинтересовался Витька.

— Тебе, кому ж ещё!

— Умник какой выискался, — поразился Витька его наглости. — А сам что ж?

— Ты командир, ты и иди, — совсем обнаглел Пельмень. — А мы тут побудем... в засаде...

— И пойду!

— Может, лучше подождать, когда дождь прекратится? — внёс своё предложение Вовчик. — Тогда будет не так опасно...

— Ты думай, что говоришь!.. — повысил голос Пельмень. — К тому времени мы все от дыма задохнёмся. — И он специально принялся громко кашлять, закатывая глаза и трясая головой, как паралитик, будто и вправду готовился в самое ближайшее время расстаться с жизнью.

Если честно, то у Витьки от едкого дыма давно першило в горле и слезились глаза. Чтобы Пельмень со своим дурацким карканьем не попал в самую точку, надо было срочно что-то предпринимать. А кто как не командир в ответе за своих подчинённых! Тут, конечно, с Пельменем не поспоришь, хоть и придумал он такое от страха...

Витька помялся, переступая с ноги на ногу, и решительно распахнул дверь.

Навстречу дунул ветрище, окатив его холодной водой с ног до головы. В лицо полетели мелкие ветки, царапая кожу когтистыми пальцами. Посыпались мокрые листья, прилипая к телу, как огромные мерзкие слизняки.

Чудом устояв на ногах, Витька собрался было совершить очередной отчаянный шаг прямо в гущу бесноватившейся стихии, как вдруг в воровском сполохе молнии увидел перед собой зловещие силуэты людей. Они были одеты в непромокаемые плащ-палатки военной поры, на головах — капюшоны, низко надвинутые на лица, которые в дождливой мгле и без того не разглядеть.

Ошибочно приняв их за людей, интересующихся рыбалкой или грибами (наверное, в эту минуту у Витьки по какому-то непредвиденному случаю тронулись мозги), Витька, осиливая непрекращающийся шум дождя, что есть силы закричал:

— Вы кто?

— Мы... мстители... — раздался жуткий скрипучий голос, лишь отдалённо напоминающий человеческий, от которого Витьку объял неподдельный ужас: вмиг ослабли ноги в коленках и нестерпимо захотелось писать. — Пришли... вас... наказывать...

Разговаривать с призраками в Витькины планы ни в коем случае не входило, и он, собрав всю свою оставшуюся волю, метнулся назад. Быстро закрыв за собой дверь на вертушку, он дико огляделся и для надёжности ещё подпёр её скамейкой.

Пельмень с Вовчиком с любопытством уставились на него.

— Призраки! — выкрикнул Витька, медленно отступая в глубь землянки.

Пельмень с Вовчиком, с самого утра наслышанные о неуловимых призраках, но которых воочию им самим ещё видеть не приходилось, принялись кривляться и ломаться:

— Ой, ой, как страшно!

— Прямо все дрожим!

— Врать не надоело?

— Ничего получше придумать не мог?

Неизвестно, как долго продолжалось бы глумление над Витькой, у которого на душе и без того было очень паршиво, не случись то страшное, что внесло в ряды насмешников сумятицу.

В дверь постучали, и Пельмень с Вовчиком испуганно застыли в нелепых позах. Потом, по-видимому, под напором, доски начали скрипеть и трещать. Выжидательно уставившись на дверь, Пельмень и Вовчик совсем затаили дыхание.

И вдруг с той стороны на дверь обрушился удар такой мощи, что скамейка переломилась пополам, а вертушка, выскочив из своего гнезда, как маленький снаряд, пролетела через всю землянку и поразила фонарь. В разные стороны брызнули осколки стекла. Дверь сорвалась с петель и грохнулась на земляной пол. По землянке пронёсся смерч разрушительной силы: опрокинул стол, оставшиеся скамейки, задул фитиль в фонаре, а заодно уж и скинул его с гвоздя. И даже печка вопреки здравому смыслу не разгорелась согласно законам физики, а неожиданно погасла, вспыхнув напоследок каким-то неживым синим светом.

Объятые ужасом мальчишки попадали на пол и затаились.

В дверном проёме появились люди в плащах и столпились у порога. Теперь само собой отпадали все сомнения насчёт существования призраков.

— Всё... отвеселились... вы... ребята... — сказал всё тот же скрипучий голос, и стоявший впереди человек сбросил с себя плащ-палатку. Его голова была перебинтована, один рукав заткнут за пояс. Примеру последовали другие. Всё это делалось, наверное, для того, чтобы нарочно выставить на обозрение свои увечья:

кто был с оторванной рукой, кто с оторванной ногой, у кого в животе зияла сквозная дыра, у кого вместо лица — сплошное кровавое месиво. — Я... командир... роты... — между тем скрипел голос. — Вы... осквернили... наши... могилы... Такое... не прощается... Вы... умрёт... Мы... будем... убивать... вас... Каждый... день... по... одному... человеку...

— Мы ничего такого... не сделали, — хрипло проговорил побледневший Витька, — чтобы нас... убивать.

— Поздно... сожалеть... Сегодня... умрёт... самый... слабый.

Дождь прекратился, на улице как будто просветлело, и призраки растаяли в сыром воздухе.

Витька, не отрывая головы от пола, скосил глаза на распластавшегося возле него Пельменя, крепко сжимавшего пистолет.

— Что ж не стрелял? — помолчав, спросил Витька.

— Так это... — еле ворочая непослушным языком, пролепетал Пельмень. — Свои же...

Витька протянул руку:

— Дай сюда пистолет.

— Не дам, — запротивился Пельмень. — Мне с ним... как-то спокойнее.

— Простому солдату пистолет не положен, — попробовал увещевать его Витька. — Только командиру.

— Командира мы можем переизбрать, — неожиданно взбунтовался Пельмень. — Назначить хотя бы даже Вовчика...

— Командиров не переизбирают, — озлился Витька и, чтобы прекратить вредный для дисциплины спор с упрямым и невежественным человеком, быстро навалился на него, вывернул руку и отобрал пистолет.

— Ты мне руку вывихнул, — заныл Пельмень. — Как я теперь с одной рукой-то?..

Витька недобро прищурился и, отдельно выговаривая каждое слово, спросил:

— А... как... они?

Пельмень не нашёлся, что на это ответить, и промолчал, значительно поглядывая на Витьку. Чтобы у Пельменя не возникло искушения вернуть пистолет, который он, видимо, уже считал своим табельным оружием, Витька для уверенности спрятал его в рюкзак. Потом, встав на колени, закинул рюкзак за спину, твёрдо решив

никому его больше не передоверять, если только дисциплинированному Вовчику.

Вовчик лежал неподвижно в углу, плотно прижимаясь щекой к земляному полу. Его серое лицо, по которому безбоязненно сновал крошечный муравей, выглядело строгим и недоступным. В сторонке бесхозно валялись его знаменитые очки из черепашьего панциря.

— Вовчик, — тихо позвал его Витька, словно боясь потревожить сон своего уставшего товарища.
— Вовчик.

Ответом ему была гнетущая тишина.

Ещё не веря в случившееся, Витька окликнул погромче:

— Вовчик!

Но и достаточно громкий голос не смог поднять на ноги Вовчика, и Витька, не таясь, горько заплакал.

Вскочил Пельмень, переводя несообразующий взгляд с распостёртого тела Вовчика на рыдающего Витьку. И, видимо, более привычный к потерям своих друзей, в числе которых первым едва не стал числиться Витька, а теперь вот и Вовчик, Пельмень, поникнув головой, заметил:

— Он оказался самым слабым звеном в нашей команде...

Произнесённая трагическим голосом речь, впрочем, утешения не принесла, а выглядела совсем уж кощунственно по отношению к памяти дорогого товарища, и Витька заорал:

— Давай скорее выносить его на свежий воздух!

Печка, так нелепо прекратившая свою жизнедеятельность, вдруг ни с того ни с сего принялась с удвоенной силой дымить, в считанные секунды создав плотную дымовую завесу.

Догадываясь, что такое совпадение не случайно, мальчишки на ощупь заторопились к телу, задыхаясь, кашляя и беспрестанно вытирая слезящиеся глаза.

— А его тут нет, — раздался удивлённый голос Пельменя, когда, по его мнению, они оказались на том самом месте, где минуту назад находился труп.

Не доверяя легкомысленному Пельменю, Витька сам опустился на колени и, пошарив вокруг себя, не менее удивлённым голосом подтвердил:

— Точно, нет!

Нашёл Вовчик совсем в другом месте, хотя он смиренно лежал всё в таком же положении.

— Бери его за руки... а я за ноги! — распорядился Витька.

Они подхватили Вовчика и понесли из землянки. Вовчик висел у них в руках, будто тряпичная кукла. На улице его положили на траву и начали усиленно оживлять. Через полчаса все знания по спасению жизни больного, почерпнутые из школьного предмета ОБЖ, закончились, а других не было, и что с ним дальше делать — неизвестно, потому что уже всё испробовали и ничто не подействовало. Прямо в безвыходное положение их поставил Вовчик.

Витька вытер сочившийся по лицу пот, и как бы ни тяжело ему было расписываться в собственном бессилии, слабым голосом признался:

— Всё бесполезно...

Пельмень и сам думал, что бесполезно. Не верилось ему, что можно оживлять мертвецов, но на всякий случай он спросил:

— А почему так думаешь?

У Витьки на душе скребли кошки от того, что не смог уберечь Вовчика, и он, глядя в сторону, совсем не слыша Пельменя, сказал:

— Надо похоронить его со всеми военными почестями... Чтобы было всё торжественно... И дать вверх три залпа... Он это заслужил всей своей недолгой, но отчаянной жизнью...

— А помнишь, он анекдот рассказывал? — некстати справился Пельмень и, изображая в лицах персонажи, разными голосами проговорил:

— Мальчик, кем ты хочешь быть, когда вырастешь?

— Военным!

— Почему?

— Их хоронят с музыкой и фуражка на гробу.

— Фуражки у нас нет, — машинально ответил Витька, потом внимательно всмотрелся в Пельменя и спросил: — Дурак, да?

— А чего я такого сказал? — заморгал недогадливый Пельмень и вдруг, изменившись в лице, вскрикнул: — Гляди!

К ним приближалась молоденькая военная медсестра, прижимая к боку санитарную сумку. Тронутые сединой прядки волос выбива-

лись из-под пилотки. Огромные, явно не её размера, сапоги то и дело путались в высокой траве, и по тому, с каким неистовым упрямством она выдёргивала их из травы, было видно, что девушка торопилась.

Глядя страшными глазами на её неестественно скособоченную голову, Пельмень с Витькой молча попятнулись.

— Конечно... вы не заслужили... чтобы вас... спасать, — скрипучим бесцветным голосом, совсем не соответствующим её милостивому лицу, сказала медсестра. — Но я... давала клятву... Гиппократу... и теперь... не в моих силах... её нарушить... Вашему товарищу... повезло... — она опустила на одно колено и начала священнодействовать (иными словами работу любого врача не назовёшь): достала из сумки железную коробочку с медицинскими принадлежностями, набрала в шприц какое-то лекарство, брызнула вверх, чтобы не осталось воздуха, и уверенно вколола Вовчику прямо в грудь.

Через некоторое время лекарство, видно, дошло до жизненно важного органа в груди у Вовчика: веки у него вздрогнули и поползли вверх. Глядя затуманенными глазами на колеблющееся перед ним женское лицо, Вовчик заулыбался, будто болел не на диком острове, а дома на кровати под присмотром своих родителей, и слабым голосом произнёс:

— Ма-ма!

Девушка погладила его по потным волосам, поднялась с колен и пошла, опять заплетаясь великоватыми сапогами за траву. Когда она обернулась, по её щекам текли слёзы.

— Мой... вам... совет, — сказала она своим скрипучим голосом с едва уловимыми дребезжащими нотками, которые прежде в её голосе не замечались. — Уходите... с острова... пока... не поздно...

Её удаляющаяся фигурка становилась всё прозрачнее, пока совсем не растаяла в горячем воздухе, как невесомое облако.

Витька подбежал к Вовчику и с беспокойством спросил:

— Ты в порядке?

Вовчик повёл пальцами, показывая, что дела у него просто замечательные.

— Точно? — подозрительно спросил Витька.

— Точно.

— А то ты по-честному скажи, — продолжал выпрашивать Витька. — Нечего притворяться.

— Да говорю тебе: всё в порядке! — Вовчик как ни в чём не бывало поднялся, отряхнулся от налипших мокрых травинки и спросил: — А эти... где... которые в плащах?

— Ушли!

Вовчик совсем пришёл в хорошее настроение.

— А эта женщина — она кто?

Витька поведал Вовчику обо всём, что в его отсутствие происходило на земле... то есть на острове.

— Вот так да! — подивился необычному рассказу Вовчик. — Выходит, меня от смерти призрак спас?.. Наука такого случая за всю свою историю не знает... По крайней мере мне неизвестно...

Подошёл Пельмень и вмешался:

— Наука может об этом никогда и не узнать... Потому что неизвестно, как они отнесутся к твоему оживлению... Может, простят, а может, и до конца доведут... Но в любом случае завтра очередь наступит кого-то из нас... Что будем делать?

— Бежать надо! — забеспокоился Вовчик.

Витька многозначительно перевёл свой прищуренный взгляд с одного на другого и огоршил их сообщением:

— Спросите меня — как?

— Как? — воскликнули разом Пельмень с Вовчиком.

Витька выдержал паузу и торжествующе выпалил:

— На плоту!

— У-у, — разочарованно протянули приятели, по-видимому, ожидавшие что-нибудь более приемлемое, соответствующее им по силам. — Без пилы мы как без рук.

— Не надо никакой пилы, — заверил их Витька и рассказал, как очень просто сделать плот из обыкновенной крышки стола, двери и двух столбов, к которым всё это будет крепиться верёвкой. — Такой плот будет похож на катамаран... А катамараны никогда не тонут, — закончил он на оптимистичной ноте.

Витькин план эвакуации с острова подкупал своей простотой в исполнении и получил полное одобрение команды.

Правда, Вовчик усмотрел в нём один существенный изъян. Испугавшись, что опять придётся умирать от угарного газа, он сказал:

— Нужно подождать, когда весь дым выйдет.

Все трое сразу посмотрели на землянку, из которой чёрными клубами валил дым.

— Это мы сейчас быстро устраним, — бодро пообещал Витька и, поднявшись на холм, внимательно начал осматривать кусты и высокую траву.

Жестяная труба от печки, естественно, обнажилась в густых зарослях крапивы. Где ж ей ещё быть! Очень тяжело было к ней подбираться. А тут ещё кто-то принялся подозрительно шуршать, вызывая дополнительное беспокойство. В конце концов со всеми предосторожностями он подкрался к трубе — красный, потный, весь в паутине! — и опасливо заглянул в неё. Так и есть: внутри что-то находилось. Витька собрался с духом и засунул туда руку. Нашупав мягкое и липкое, он вытащил это на свет и с ужасом увидел в своей руке окровавленные бинты. Тотчас их отбросив, Витька на одном дыхании преодолел жгучую крапиву, слетел с холма и, упав на колени, принялся с ожесточением вытирать о мокрую траву испачканную в крови руку.

Пельмень внимательно к нему пригляделся и подозрительно спросил:

— Ты чего там так долго делал? Ягодами объедался? Вон и сок на руках...

Витька, и без того взвинченный, прямо рассвирепел, заорав:

— Какие ягоды? Какой сок? Кровь это!

Пельмень с Вовчиком понимающе переглянулись и засмеялись.

— Чего тут смешного вам? — всё больше расхохотался Витька. — Как сами перемажетесь в крови, так будет не до смеха! Бинты там были в трубе... окровавленные!..

Легкомысленный Пельмень ещё продолжал посмеиваться, а Вовчик, миг став серьёзным, быстро огляделся по сторонам. Не заметив ничего подозрительного, он тем не менее склонился к Витьке и вполголоса сказал:

— Давай из фляжки полью.

Витька с содроганием скрёб ногтями руку, совсем не замечая, что она отмылась, и как заводной твердил:

— Хорошо бы с песочком... С песочком хорошо бы...

Пельмень, с испугом уставившись на своего командира, примирительно сказал:

— С песочком на озере можно...

— И правда, — согласился Вовчик. — Пойдёмте на озеро... А из землянки пускай всё выветривается до самого последнего уголка.

И они опять поглядели на зияющий пустотой дверной проём, из которого дым уже не валил — он валил из трубы, как всем дымам полагается.

24

По причине контузии настоящего командира Вовчик временно принял командование отрядом на себя. Он выпятил свою покрасневшую на солнце тщедушную грудь и, выпучив глаза от важности, твёрдым голосом сказал:

— Шагом марш на озеро!

Даже Пельмень, ошеломлённый потерянным видом закадычного друга Витьки, осмевать Вовчика не стал и без препирательств подчинился.

Чтобы и дальше не уронить своего командирского достоинства, Вовчик попробовал чеканить шаг, как настоящий военный. Но босиком особенно не начеканишь, поэтому пришлось идти как все: внимательно поглядывать себе под ноги, чтобы случайно не наступить на что-нибудь колющее или, что ещё хуже, жалящее, например на ядовитую змею.

От этого отряд выглядел не грозной боевой единицей, а самым обыкновенным сборищем празднично шатающихся туристов, которые о дисциплине не имеют никакого понятия.

Ненасытный Пельмень на ходу обрывал ягоды брусники и с таким наслаждением чмокал своими толстыми губами, что даже у худощавого Вовчика начинали течь слюнки. Честно говоря, не будь он в должности командующего, Вовчик и сам не против был подкрепиться, а так он на провокацию не поддался. И правильно сделал, потому что съесть такое количество немых ягод для любого человека всегда чревато нежелательными последствиями, что в полной мере и испытал на себе Пельмень.

Он неожиданно остановился и принялся усиленно о чём-то размышлять, потом схватился за урчащий живот, согнувшись в три погибели, и жалобно запричитал:

— Ой, ой... кажется... прихватило!

Не разгибаясь, он побрёл в сторону ближайших кустов, вдруг сорвался с места и быстро в них скрылся.

— Во даёт! — повеселел Витька.

Но беспокойный Пельмень на этом не угомонился: не прошло и минуты, как он выскочил из кустов и вприпрыжку понёсся обратно к товарищам, то и дело оглядываясь.

— Ты смотри, что вытворяет! — заликовал Вовчик, указывая на него пальцем, и так затрясся от смеха, будто держал в руках отбойный молоток.

Витька сложился пополам и упал в траву, перекатываясь с боку на бок. Но этого ему, видимо, показалось мало, и он начал брыкаться в воздухе ногами, крича:

— Давно я так не смеялся!

Подскакал раскрасневшийся Пельмень и, сопя, сказал дрожащим голосом:

— Чего ржёте, дурачье? Там люди!

Вволю насмеявшись над глупостью Пельменя, Витька поднялся и для уточнения спросил:

— Военные?

Пельмень замотал головой.

— Гражданские?

— Гражданские, — быстро закивал Пельмень, плохо ещё разбиравшийся в военной терминологии. — Точно... гражданские.

— Куда они пошли?

— Откуда я могу знать? — изумился Пельмень.

— Они мне не докладывали.

— Надо было проследить, — поучительным тоном выговорил ему Витька.

— А ему было не до того, — вмешался в разговор ухмыляющийся Вовчик. — Он был другим занят.

Пельмень презрительно покосился на него через плечо, но ответом не удостоил, а, опять вперив свой неморгающий взгляд в Витькино лицо, взволнованно сказал:

— Вы что, не понимаете? Они могут нас с острова вывезти!.. Ведь на чём-то они сюда приплыли?..

— Надо ещё посмотреть, какие такие люди здесь завелись, — одёрнул его Витька. — Люди они ведь всякие бывают. Неизвестно ещё, зачем

они сюда пожаловали. Но что-то мне подсказывает, совсем даже не за грибами.

— Да какая разница! — с досадой воскликнул Пельмень. — Главное, чтобы с острова вовремя смотаться.

Витьке, очевидно, надоело выслушивать советы своего bestолкового и невежественного дружка, и он, поморщившись, сказал:

— Вначале надо про них всё хорошенько разведать. А уж потом согласно разведанным поглядим, как нам с ними быть. Понятно?

— Чего ж тут непонятного? — унылым голосом согласился Пельмень, мечтавший как можно скорее очутиться дома.

— Тогда вперёд!

Заранее пригибаясь, разведчики охотно бросились догонять чужаков, желая поглядеть на живых людей.

Вовчик шепнул Пельменю:

— Не дрейфы! До завтрашнего дня ещё далеко!

Найти пришлых людей было нетрудно. Двое дядечек шли по дороге к озеру и с беспечным видом слушали музыку, будто находились не на острове, где полно призраков, а прогуливались в парке, как самые обыкновенные добропорядочные граждане.

Коротышка, наряженный в жёлтую распашную рубашку и синие джинсы, даже опирался на трость, которая своим чёрным лакированным видом придавала ему дополнительную солидность к уже имеющемуся у него пузу, отвисшему, как у беременной тётеньки на девятом месяце. А вот на голове у него почему-то была совсем простенькая самодельная фуражка из газеты. Он шёл, заметно прихрамывая, шаркая лёгкими босоножками, надетыми на босые ноги.

У мальчишек он сразу получил довольно точное прозвище — Пузырь.

Совсем по-другому смотрелся его напарник. Он был выше Пузыря примерно на две головы — это если сравнивать из кустов, откуда производилось наблюдение. А если вблизи, так, может, и на все три... Тут с определённой уверенностью сказать затруднительно, потому что специально сравнивать двух дядечек им никто не позволит. Вдобавок у него было очень волосатое туловище в отличие от Пузыря, который, смешно даже сказать, и должен быть

гладким. А вот увидеть его ноги за объёмистыми спортивными штанами пока возможности не представилось. Не будет же он ни с того ни с сего посреди леса оголяться только для того, чтобы удовлетворить нездоровый интерес разведчиков... Здесь ничего не поделаешь, придётся потерпеть до прибытия на озеро, куда они, наверное, и направляются для купания.

По всему было видно, что своей усиленной волосатости дядька совсем не стеснялся, лишь для виду прикрываясь зелёной майкой с глубокими вырезами и надписью на английском языке, которую Витька, поднатужившись, перевёл как «армия». А ещё у такого интересного дядечки на голове красовалась мятая разноцветная панамка, надетая глубоко на глаза, отчего он был похож на заморского шпиона, и синяя накладка во всё плечо. Что на ней было нарисовано, на таком расстоянии из-за волос не разобрать. А на слово верить Пельменю, с жаром утверждавшему, что там будто бы какие-то непонятные купола, разведчик не обязан.

При ходьбе у дядечки страшно колыхались объёмистые штаны, и шаги у него, несмотря на мягкие подошвы кроссовок, наверное, были тяжелее, чем у слона. А уж ручищи что твои клещи — схватит, считай, не повезло.

Одним словом — большой дядечка! И на вид... даже очень опасный, если его как следует разозлить, что, впрочем, делать совсем не обязательно.

Такого громилу единодушно именовали — Слон.

Как разведчики и предполагали, парочка новых островитян вышла к озеру.

— Лезь в воду, — с ходу приказал Пузырь.

Слон разделся, наконец-то продемонстрировав свои волосатые ноги, и послушно полез в воду. А когда вынырнул, на нём не было лица. Точнее, оно было, только сильно напуганное.

— Босс! Ящик пропал! — заорал он.

Разведчики затаились, даже дышать перестали. Вот тебе и законопослушные добропорядочные граждане!

— Ты чего гонишь? — фальцетом завопил Пузырь. — Как это пропал?

Слон объяснил, как пропадают вещи:

— Вначале ящик был, а потом его не стало...

— Ты мне мозги не пудри! — всё больше расхо-

дился Пузырь, брызгаясь слюной и беспорядочно размахивая руками. — Ищи! Ныряй! И без ящика лучше не выныривай!

— Так это что ж получается, — угрюмо спросил Слон, — утопать мне, что ль, теперь из-за этого грёбаного ящика?

— Ничего знать не хочу! — неистовствовал Пузырь. — Удавлю!

Слон хоть и с неохотой, но опять погрузился в воду.

Опершись обеими руками на трость, Пузырь злобно уставился на круги, что-то бурча себе под нос.

— Это чёрные копатели! — осенило Вовчика. — Они ищут на местах боёв всё, что можно продать... Оружие... медали... ордена. В общем, всё, что пользуется спросом... И неплохо на этом зарабатывают... А эти люди... в плащах... они подумали на нас, что мы могилы раскапываем... А мы тут совсем ни при чём... Как нам теперь быть?

Витька немного подумал и заявил:

— Надо их арестовать и в милицию сдать. Пускай они там за решёткой посидят... Узнают тогда, как солдатские могилы осквернять.

— Так они тебе и позволят арестоваться? — засомневался Пельмень.

— А что? — закипятился Витька. — Оружие у нас есть... Как наставлю да как скажу...

— Оружие у них тоже имеется, — вмешался Вовчик. — А если оружие на оружие, то получится целая война. И ещё неизвестно, кто окажется победителем...

— Мы окажемся, — хорохорился Витька. — Кто ж ещё!

— А если победят они, — заметил Вовчик, — то мы сами сделаемся призраками.

— Не... — обеспокоился Пельмень, — я не согласный быть призраком. Ну, если только временно попугать людей, а навсегда им оставаться мне неохота. Что в этом хорошего?

Быстро выяснилось, что и Витьке с Вовчиком намного удобнее находиться в своих настоящих телах, потому что за столько лет они очень к ним привязались...

— Тогда мы вот что сделаем, — решил Витька. — Выследим, где у них спрятана лодка, и украдём...

— Красть нехорошо, — опять вмешался Вовчик.

— Мы не для себя, — пояснил Витька, — а для дела.

— Тогда конечно, — не стал спорить Вовчик.
 — Уплывём с острова, — продолжил Витька, — и сообщим в милицию. А они уж сами пускай с ними разбираются.
 — Правильно, — одобрил такой план Пельмень.

25

Между тем чёрные копатели, даже не подозревая о своём скором заточении, выясняли отношения, потому что Слон всё-таки вынырнул без ящика.

— Козлиная твоя морда, — ругался Пузырь, — ты точно запомнил место, где лежал ящик?

— Обижает, босс, — волновался Слон, сам не в силах сообразить, куда это ящик мог подеваться.

— Может, ты забыл, что в другое место перепрыгал? — продолжал допытываться Пузырь.

— Босс, ты за кого меня принимаешь? Я что, на дурака похож?

— Ты на идиота похож, — не дал ему потачки Пузырь, — который собственными руками лишил себя «бабок».

Пропустив мимо ушей оскорбление, Слон успокоил:

— Не иначе кто-то нашёл наш ящик.

Пузырь злобно пожевал губы и сказал:

— Короче, так: свою долю я у тебя вычту из ноевой партии.

От такой несправедливости Слон аж взвыл:

— А я тут при чём?

— Прятать надо лучше, — сказал Пузырь.

Слон быстро оделся и, обойдя Пузыря стороной, размашисто зашагал обратно по дороге, по минутно оглядываясь, чтобы компаньон, если вдруг надумает, не догнал его и не огрел лакированной тростью.

Пузырь на своих коротких ножках заторопился следом, пытаясь, как большой ёжик.

Разведчики, прячась за кустами, двинулись за ними. Идти без дороги было очень неудобно: то по колючим зарослям ежевики, то по густой траве, такой высокой, что в ней легко можно заблудиться, как в прериях, то по буеракам, неизвестно откуда здесь взявшимся, то по сыпучим пескам, в которых ноги увязают по самые колени, то по крапиве... Но в конце концов дошли.

На берегу реки в тени развесистых дубов были натянута две приземистые туристические палатки. Неподальку стояли походный раскладной стол и два раскладных стула.

Пузырь, едва дотащившись по жаре до лагеря, тут же плюхнулся на один из них. Скинув босоножки, он вытянул натруженные ноги и с наслаждением пошевелил пальцами.

Слон, который вернулся первым, сидел в лодке на траве, скрестив ноги. Время от времени он поглядывал на Пузыря и пренебрежительно хмыкал, не переставая мастерить какую-то чудную штуку: на лёгкой штанге внизу — металлический круг, напоминающий сковородку с дырой, на середине штанги — приборчик с экраном, а выше — коробка, от которой тянутся провода... Когда Слон поднялся во весь свой исполинский рост, разведчики увидели у него в руках самый настоящий металлоискатель. Не обращая внимания на Пузыря, Слон нацепил наушники и принялся водить «сковородкой» над землёй, поросшей разнотравьем.

— Сканирует, — проглотил вздох Витька, знакомый с действием миноискателя по одной интересной статье из военного журнала.

Меньше чем через пять минут металлоискатель сработал. Слон, отметив веткой место, всё так же принципиально не замечая Пузыря, сходил за лопатой и деловито поддел дёрн. С сосредоточенным выражением на лице он начал разминать землю в ладонях.

Пузырь сразу оживился и, хоть был толстый и неуклюжий и к тому же вымотанный долгим переходом, рысцой прибежал глядеть.

— Орден! — в восторге заорал он, выхватывая из Слоновых рук рубиновую звезду и потрясая в воздухе: — Ну-ка, что там для нас ещё припасено?

Слон, воодушевлённый поощрением, копнул глубже:

— Сапоги прелье... Звёздочка от пилотки... Кобура... с пистолетом... Босс, слышишь, пистолет!

При виде оружия глаза Пузыря загорелись алчным огнём. Он протянул руку с растопыренными пальцами и, мёртвой хваткой вцепившись в пистолет, затрясся, будто Кощей Бессмертный над златом.

Витька даже показалось, что сейчас он начнёт его целовать своими слюнявыми губищами, и содрогнулся от презрения.

— Санитарная сумка... — между тем докладывал Слон. — Босс, похоже, здесь медсестру накрыло миной... Всё в разобранном виде... Ха, вот и сама прекрасная владелица сумки!.. Босс, полюбуйся! — Слон продемонстрировал ему почерневший от времени небольших размеров череп с отверстием от осколка и, как не имеющий для них никакой ценности, небрежно отбросил его в сторону.

Тут из кустов выпрыгнул бледный как полотно Вовчик и накинудся на Слона. Изо всех сил молотя в его широкую грудь своими костлявыми кулачками, Вовчик сквозь слёзы зло выкрикивал:

— Звери! Звери!

От неожиданности Слон даже растерялся:

— Пацан, ты чего?

Потом взял его своей ручищей за тонкую шею и легко отодвинул от себя:

— Ты откуда такой шустрый тут взялся?

Вовчик продолжал размахивать руками и ногами, напрасно стараясь достать до ненавистного дядьки.

Глядя на его бессмысленные действия, Пузырь тяжело вздохнул:

— Совсем молодёжь распустилась.

— Сволочи! — взвизгивал Вовчик с отчаянием загнанного в угол зверька. — Сволочи!

Пузырь с оскорблённым выражением на лице назидательным тоном сказал:

— Старших нехорошо обзывать.

И осуждающе покачал головой, показывая, как он сильно разочарован в подрастающем поколении, что об этом не стоит даже и толковать.

В этот момент из кустов, ломая ветки, с шумом выскочил Пельмень и с угрожающим криком «Банзай!» понёсся на них. Готовый всё смести на своём пути, Пельмень немного просчитался и угодил в яму, позорно растянувшись у ног Слона. Тот хоть и был здорово удивлён появлением необычно толстого мальчишки, всё-таки не растерялся и ловко схватил его свободной рукой.

— Босс, что прикажешь с ними делать? — спросил Слон, удерживая в своих крепких объятьях обоих пленников.

— Как что с ними делать? — вскинул брови Пузырь, удивлённый неуместностью вопроса. — В распыл их, естественно!

— Не имеете права! — завопили пленники, отчаянно отбиваясь ногами и головами. — Сейчас не война!

— Да что вы говорите!.. — осклабился в ядовитой усмешке Пузырь. — И кто мне запретит?

Из кустов вышел полный решимости Витька и навёл на Пузыря пистолет, держа его двумя руками, чтобы случайно не промахнуться.

— Руки вверх! — приказал он самым суровым голосом, на который был способен.

Чёрные копатели, поражённые явлением ещё одного противника, к тому же вооружённого, умолкли, а Витька, не давая им опомниться, грозно добавил:

— Ну-ка быстро отпустите моих друзей!

— Вас что ж здесь, целый выводок? — обрёл дар речи Пузырь. — Вначале один, потом другой...

— Не ваше дело! — перебил Витька. — Мы везде распространяемся.

— Конечно, не наше дело, — залезбил Пузырь. — Наше дело маленькое... Наше дело — сторона... Это само собой... Только ты пушечку всё же от греха подальше опусти... Ну как ненароком выстрелит... не ко времени будет сказано...

— Я опущу, — пообещал миролюбивый Витька, — если вы моих друзей отпустите.

— Это без вопросов, — ответил Пузырь, стараясь каким-нибудь способом отвлечь Витьку, и щёлкнул большим ногтем по своим зубам. — Зуб даю!

— Нам чужих зубов не надо! — клюнул доверчивый Витька. — Свои имеются... Вы давайте пацанов отпускайте...

— Ах, да! — спохватился Пузырь и, повернувшись к Слону, подмигнул, давая понять, что это всего лишь весёлая шутка. — Отпускай его друзей. Чего ты в них вцепился?

— Отпускаю, — радостно подтвердил Слон, продолжая удерживать пленников.

26

И тут Витька допустил роковую ошибку, на короткое время оставив без внимания Пузыря, который только и мечтал, как быстрее его обезоружить. С необыкновенной ловкостью воспользовавшись тростью, Пузырь выбил у Витьки пистолет и, довольный собой, сказал:

— Эх ты, горе-мститель!.. Даже расстрелять как следует не смогу!..

— Ты не радуйся, — огрызнулся Витька. — Ещё не вечер.

— Ха-ха-ха! — закатился Пузырь. — Вот как раз наоборот — вечер.

— Жрать охота, — подал голос Слон. — Босс, давай их после ужина расстреливать.

— Расстрелять мы их всегда успеем, — нахмурил брови Пузырь. — Только у меня есть подозрение, что это они наш ящик украли. А чужое брать, между прочим, нехорошо, — погрозил он похожим на сардельку пальцем.

— Какой ящик? — прикинулся непонимающим Витька.

— Ты не валяй дурака! — неожиданно разозлился Пузырь. — Вернёте ящик и валите на все четыре стороны.

— Не знаю я ни про какой ящик! — стоял на своём Витька.

— Не знаешь! — рявкнул Пузырь. — А пушка откуда?

— Нашёл, — вывернулся Витька.

Пузырь пристально гляделся в его открытое, чуть бледное лицо и зловеще пообещал:

— Мы ещё продолжим... этот приятный разговор... Чуть позднее...

Пленников поволокли к толстому дереву, а потом привязали к нему, обмотав несколько раз верёвкой вокруг ствола.

Сами охранники уселись за стол и начали уплетать еду за обе щёки, так что даже за ушами у них трещало. Время от времени они поглядывали на пленников, головы которых свесились, как охранники, наверное, предполагали, под тяжестью дум, а на самом деле чтобы не завидовать обжорам.

Когда у Пельменя в животе громко заурчало, Пузыря осенило:

— Слышь, ты, жирный... Есть хочешь? По глазам вижу, что хочешь... Скажи, куда ящик с оружием спрятали, и у тебя будет еды сколько угодно.

— Я не предатель, — храбро заявил Пельмень.

Пузырь поощряюще кивнул и похлопал в ладони:

— Браво! Хвалю!

Потом вытер свои сальные губы и принёс со стола приличный кусок колбасы, огромный по-

мидор, огурец и хлеб. Всё это он разложил перед Пельменем на газете.

— Я не настаиваю, — сказал Пузырь. — Но ты подумай, пока ещё с голоду не окошел.

Пельмень, собравшись с силами, гордо отвернул лицо, которое, неожиданно выйдя из подчинения, всё время норовило повернуться точно к еде, как стрелка компаса на север. Тогда он крепко-накрепко зажмурился, что также не дало положительного результата, потому что глаза при виде еды словно остекленели, не желая закрываться. А тут ещё подключился нюх. Если на вид еду можно было как-то терпеть, часто сглатывая слюну, то колбасный дух просто изводил до помутнения мозгов. Хоть не дыши! Что Пельмень и попробовал сделать. Но так стало ещё хуже, потому что голодный будешь мучиться, пока не исхудаешь, а без воздуха ничего не стоит окочуриться за несколько минут. Самое удивительное, что и Витьке с Вовчиком, ранее не замеченным в особом пристрастии к еде, почему-то тоже сильно захотелось есть.

— Ничего, пацаны, — шёпотом приободрил Витька, глотая слюну. — Главное, перетерпеть.

— Перетерпеть нетрудно, — рассудил Вовчик, — когда ты про еду забываешь... А как тут забудешь, если она постоянно перед тобой находится?..

Пленники загоревали окончательно.

А тут и Витька добавил дополнительное беспокойство, ни с того ни с сего захихикав, как городской дурачок Серёня.

Пельмень с Вовчиком со страхом на него покосились.

— Пацаны, — зашептал Витька, воровато поглядывая на своих мучителей. — Слушайте, что скажу: скоро стемнеет и ничего не будет видно — это раз! А колбаса заветрится и пахнуть перестанет — это два!

Однако возрадовались они рано.

Когда стемнело и еды не стало видно, а только белела одна газета на траве, мучители изобрели более изощрённую пытку, чтобы усугубить и без того тяжёлое положение голодных пленников: они разожгли костёр и заварили в котелке бульон, чтобы душистый запах распространился повсюду. А так как сами наелись, завалились в палатке спать.

Глядя в ночное небо, Витька мечтательно сказал:

— Может, с самолёта лётчики увидят огонь и сбросят нам чего-нибудь...

— Бомбу, например, — угрюмо добавил Вовчик.

Далёкие звёзды равнодушно наблюдали за последними мучениями храбрых разведчиков. Если бы даже и захотели неодушевлённые звёзды вызволить их из неволи, при всём желании хлопоты оказались бы напрасными, потому что свет от звезды идёт тысячу лет и пока помощь подоспеет, к тому времени, может быть, и планета Земля перестанет существовать.

И нечего было делать разведчикам, кроме как смириться со своей участью...

Однако когда в кустах подозрительно зашуршало и кто-то принялся учащённо дышать, видно, истекая слюной по лёгкой добыче, разведчикам это не очень понравилось.

Витька стал корчиться, будто у него болел живот, стараясь ослабить верёвки. Но чёрные копатели, учтя беспокойный характер пленников, узел завязали на совесть. Мучения пленников сделались совсем нестерпимыми, когда они увидели горящие глаза, которые не мигая уставились из кустов.

— Это конец, — совсем скис Пельмень.

Витька попробовал испугать невидимое существо: брыкнул ногой и слегка зарычал, давая понять, что со своими жизнями они просто так ни за что не расстанутся. Но ответный рык оказался настолько ужасным, что отбил у Витьки всякую охоту рычать и вообще связываться с бестолковыми существами.

Между тем огромный зверь присел, готовясь к смертельному прыжку.

Пленники зажмурили глаза и вжали головы в плечи. Прошла, наверное, целая вечность, прежде чем они осмелились опять взглянуть, изо всех сил надеясь, что зверь передумал и убежал, оставив их в покое. На самом деле оказалось всё с точностью до наоборот: хитрая зверюга подползала поближе, чтобы прыгнуть наверняка и долго не возиться с этой обнаглевшей от страха добычей, которая сама вздумала пугать.

— Я сейчас буду кричать, — пролепетал Пельмень, от дрожи которого мелко вибрировало дерево.

— Что ты будешь кричать? — поинтересовался Витька с закрытыми глазами.

— Что-нибудь, — растерялся Пельмень, ещё не определившийся, что именно.

Витька предусмотрительно перекошил в его сторону лицо, чтобы не услышала таинственная зверюга, и со знанием дела сказал:

— Если уж кричать, то кричать надо «ура!». С этим криком совсем не страшно умирать... Так все солдаты делают...

— Ура так ура, — без особого энтузиазма согласился Пельмень.

Витька перекошил лицо в другую сторону и спросил Вовчика:

— А ты будешь кричать?

— Буду! — без колебаний подтвердил Вовчик.

— Раз, два... — начал отсчёт Витька, но тут его лица коснулось что-то тёплое и шершавое, как наждак. От этого Витька чуть было раньше времени не заорал, и не «ура!», как он сам впоследствии признавался, а самое обыкновенное «а-а!». Витька широко распахнул глаза, и готовый вырваться крик ужаса сменился радостным: «Чук!»

— Чук! — обрадовались и остальные. — Вот это да! Нас пришёл спасать!

А так как Чук узлы развязывать ещё не научился, он начал перегрызать верёвку. И хоть клыки у него были необыкновенно острыми, особенно для людей, толстая верёвка поддавалась тяжело.

— Скорее, Чук! — торопили разведчики, поминутно бросая тревожные взгляды на палатку.

Ещё неизвестно было, дрыхли в ней мучители или притворялись, чтобы в самый последний момент схватить освободившихся пленников и опять их привязать. Ведь чем-то надо себя развлекать после сытного ужина и продолжительного отдыха.

И точно, не успели пленники так подумать, как из палатки вышел Слон и, зевая, пристроился у дерева. Послышалось журчанье ручейка.

Пленники ни живы ни мертвы затаились, а Пельмень даже сообразил захрапеть, чтобы успокоить Слона, если он вдруг что-нибудь такое заподозрит. Чем, кстати, всё дело чуть и не испортил, потому что Слон неизвестно с чего озлился:

— Эй, жирный, ты что, на курорте отдыхаешь?! Вот я тебя!

Слон покачивающейся походкой направился к пленникам, но на полдороге остановился и, махнув рукой, пошёл назад.

Не успел он скрыться в палатке, как Витька с удвоенной энергией принялся упрашивать пса:

— Чук, миленький, побыстрей... пожалуйста! Я тебя прошу!..

Слон в палатке, по-видимому, на что-то наступил, потому что там раздался грохот и сонный голос Пузыря проговорил:

— Что там за бодяга?

— Всё ништяк, босс, — пробормотал Слон.

— А эти как?

— Храпят!..

— Храпят? — необыкновенно ясным и бодрым голосом переспросил Пузырь. — Быть такого не может!

— Сам погляди, — обиделся Слон.

Тут уж все трое пленников горячительным шёпотком зачастили:

— Чук, скорее! Скорее, Чук!

Пузырь вышел из палатки, сделал пару гимнастических упражнений, чтобы окончательно проснуться, и направился к пленникам. Заметив подозрительное шевеление у дерева, грозно окликнул:

— Эй, вы чего там? Не сбежать собрались?

А так как на этот случай подходящего ответа не было припасено, Вовчик пропищал первое, что пришло в голову:

— Куда нам!..

— Это точно, — самодовольно ухмыльнулся Пузырь и во всеулышание заявил: — У меня не сбежишь!

По дороге он подкинул в угасающий костёр сучьев, чтобы сильнее разгорелось и осветило пленников.

— Чу-ук, — безнадежным голосом простонал Витька, и чудо свершилось: верёвки ослабли, и разведчики спешно начали из них выпутываться.

— Эй, эй! — заволновался Пузырь, видя, как один за другим пленники поднимаются на ноги, и, видно, настолько обалдел от такого непредвиденного оборота, что, не подумав, брякнул: — Кто вам разрешил?

— Дед Пихто, — крикнул, убегая, Витька, — и бабка с пистолетом!

— Стоять! — загорланил Пузырь и, растопырив руки, рысцой побежал к газетке, потому что изголодавшийся Пельмень уже хватал с неё еду, прежде чем убежать в лес. Обхватив

сзади потерявшего всякую осмотрительность обжору, Пузырь заликовал:

— Попался!

Хоть Пельменю и грозило очередное заточение, колбасу с хлебом он из рук не выпустил. Чук вернулся и вцепился своими зубами в толстый зад Пузыря.

— Волк! — ахнул тот и в панике бросился к палатке.

В свете разгоревшегося костра было видно, как Пузырь тащил за собой Чука, голося не хуже самой голосистой бабы:

— Помогите! Волки!..

Пельмень немного полюбовался такой смешной картиной и, подхватив выроненные помидор с огурцом, понёсся к лесу, к друзьям.

— Вот! — торжествовал Пельмень, угощая Витьку с Вовчиком, гордый тем, что сумел раздобыть еду, которая сейчас была им просто необходима для поддержания сил. — Вы ешьте, ешьте... А я уже поел от пуза, — приврал он.

— Когда ты успел? — удивился Вовчик, разглядывая надкусанную в нескольких местах колбасу, будто тронутую мышью.

— А когда Пузырь меня схватил, — пояснил Пельмень и принялся горячо рассказывать: — Я уже думал, хана мне... И давай скорее хлеб с колбасой есть... Думаю, хоть перед смертью наемся... Сытому не так страшно и помирать будет... А тут Чук как на него набросится!.. Он как заорёт и — дёру... Чук ему все джинсы сзади порвал... Будет теперь знать, как с нами связываться! — хвастливо заявил он.

От палаток донёсся хлёткий звук одиночного выстрела и следом собачий визг.

Мальчишки перестали жевать.

— Чука застрелили, — помолчав, высказал общую мысль Витька. — Гады! А мы тут их колбасу лопаем! — Он положил под куст недоеденный кусок и выплюнул изо рта.

Вовчик тоже отложил свой кусок, но выплёвывать не стал — дожевал.

Вышла луна, и всё вокруг залило холодным синим светом.

— Надо разведать, — тихо сказал Витька, ни на кого не глядя. — И если что... похоронить.

Но сбоку зашуршала листва, и появился сам Чук. Увидев живого пса, мальчишки обрадованно начали его гладить, а Витька, присев на

корточка и обняв собаку за шею, прижался к нему лицом:

— Чук, миленький мой, Чук!

Пёс горячим языком слизывал обильно ка- тившиеся по Витькиному лицу слёзы.

— Кровь! — неожиданно вскрикнул Вовчик, показывая окровавленные ладони. От возмуще- ния он прямо выходил из себя: — Всё-таки они в него попали... живодёры.

Витька быстро сорвал лист подорожника и, как следует его наслонявив, приложил к ране.

— Уходим отсюда! — сказал он. — Скорее!

Пельмень с сожалением поглядел на остав- шиеся лежать под кустом продукты и тяжело вздохнул.

Четыре таинственные фигуры, в трёх из ко- торых без труда можно было распознать лю- дей, а в четвёртой, если внимательно пригля- деться, — собаку, а не волка, отбрасывая ко- роткие тени, торопливо уходили от опасного места в неизвестном направлении.

27

Чук с каждым шагом слабел от потери кро- ви. Если вначале он держался ещё бодро, то потом стал пошатываться, а через какой-то километр лёг прямо на дороге и закрыл глаза.

Витька тотчас упал перед ним на колени и при- поднял веко. В лунном свете на Витьку печально смотрел тускнеющий зрачок.

— Не умирай, Чук, — жалобным голосом по- просил Витька. — Не умирай.

Из глаза собаки выкатилась одинокая слезин- ка.

Подошёл Пельмень, поднатужился и взял на руки тяжелого Чука. Витька хотел помочь, но Пельмень суровым голосом одёрнул:

— Не тронь. Я сам!

Прошли ещё какое-то расстояние, и теперь выдохся сам Пельмень.

— Всё, — сказал он, — больше не могу.

Видно, съеденной колбасы было недоста- точно для поддержания его пошатнувшегося богатырского здоровья.

— Привал, — распорядился Витька.

Пельмень с Вовчиком с удовольствием бух- нулись в траву. Пока они отдыхали, прислу-

шиваясь к тяжёлому дыханию Чука, Витька, хоть и сильно боялся, отправился на разведку — поискать подходящее место для ночлега, чтобы находилось оно подальше от деревьев, на случай если вдруг кто-нибудь вздумает не- заметно подобраться.

Такое место нашлось совсем рядом. Конечно, по-настоящему здесь требовалось запалить огонь для отпугивания всякой нечисти, диких зверей, а заодно и для обогрева самих беглецов, да спички остались в рюкзаке, а рюкзак в кустах возле вражеского лагеря, куда возвращаться за ним никому не было охоты. Но оно, если разобраться, и к лучшему: приве- чать Слона с Пузырём, который после укуса теперь совсем осатанел, ни к чему. Эти только обрадуются тому, что не придётся разыскивать беглецов по всему острову.

Ледянистый свет луны и непонятные лесные шорохи наполняли сердца мальчишек страхом. А тут ещё грозно зарычал Чук. По спине отваж- ных разведчиков пробежали мурашки.

— Здесь кто-то есть, — дрожащим голосом про- лепетал Вовчик.

— Подумаешь, — храбро заявил Витька, и раз- ведчики поближе придвинулись к собаке.

Потянуло холодом, и, что самое непонят- ное, не с одной стороны, а сразу со всех сто- рон, будто за это время беглецы успели добе- жать до Северного полюса и сейчас находи- лись прямо в его центре.

На что уж, казалось, толстого Пельменя ника- кой холод не берет, но и он, обхватив своё тело руками, затрясся в ознобе.

— Дык... дык, — стуча зубами, заговорил он. — Так, дык... и замёрзнуть, дык... недолго, дык...

— Т-точно, — согласился с ним Вовчик, и Вить- ка с ужасом заметил, как его знаменитые очки покрываются налётом инея.

Чук завозился и, собравшись с силами, тя- жело поднялся. С трудом удерживаясь на ши- роко расставленных лапах, хрипло зарычал, исподлобья глядя напивавшимися кровью глазами на что-то видимое ему одному. Шерсть на его загривке вздыбилась, он по- добрался и сделал отчаянный прыжок впе- рёд, лязгнув зубами. Потом как бешеный на- чал кидаться то в одну, то в другую сторону. В эти минуты Чук менее всего походил на одо-

машинного пса, в один момент превратившись в дикого необузданного зверя, всем существом жаждавшего горячей крови своего противника.

Мальчишки сидели, низко пригнувшись к земле, сбившись в кучу, как птенцы в гнезде, и испуганно вертели головами. Опасность, от которой защищал их преданный пёс, была невидима и неизвестно с какой стороны исходила, что было намного страшнее, чем когда встречаешься с нею с глазу на глаз. Конечно, и дураку понятно, что лучше всего любую опасность избегать, чем с нею связываться. Но теперь-то что об этом толковать...

У Витьки сдали нервы, и он, вскочив, неистово закричал, потрясая кулаками:

— Если вы люди в плащах, то знайте: мы ни в чём не виноваты! Мы за вас... мы не предатели!..

Вокруг поляны что-то пронеслось лесом, ломая сучки и сгибая деревья.

Пельмень испуганно потянул Витьку за трусы:

— Не зли их.

— А пусть знают! — вызывающе заорал Витька, отпихнув его руку. — Мы не такие!..

А какие, Витька объяснить не успел, потому как неожиданно вся эта бесовская кутерьма прекратилась и наступила гнетущая тишина.

Мальчишки замерли, выжидательно поводя глазами, и даже Чук застыл на месте, оскалась и дрожая телом. По всему было видно, что от такой зловещей тишины ничего доброго ожидать не приходится: вряд ли их оставили в покое те, кто на них охотится. Скорее всего, охотники за живыми людьми поджидали подмоги, не в силах сами справиться с компанией отчаянных мальчишек и одной не менее отчаянной собаки.

Действительно, не успели мальчишки точку передохнуть от переживаний, как стали твориться ещё более странные и жуткие вещи: в сторонке что-то оглушающе бухнуло, и тотчас взревел двигателем танк. Потом заскрежетали гусеницы, и под ногами отважных разведчиков затряслась земля.

— Танк! — подскочил Вовчик, осыпанный потом, будто крупными горошинами.

Не веря своим ушам, Витька прислушался к неуместному в этих местах звуку и, не в силах произнести ни единого слова, медленно кивнул.

— Давить будут, — безнадёжным голосом пояснил Пельмень.

Танк приближался, рёв мотора становился всё отчётливее и громче. Не выдержав сильнейшего напряжения, мальчишки заметались по поляне, сопровождаемые скрипучими неестественными хохотами, от которых волосы поднимались дыбом.

Разъярённый Чук, охраняя, бегал вокруг временно подавшихся панике разведчиков и злобно рычал, предупреждая невидимых противников о том, что хоть он и истекает кровью, но в обиду своих юных друзей никому не даст.

Ребят накрыло грохотом, от которого лопаются перепонки, и тяжёлым смрадом выхлопных газов, которые превращают лёгкие в чёрную разлагающуюся мочалку. Шатаясь как пьяные, они зажимали уши и мотали головами, потеряв всякое соображение и счёт времени...

Чуть забрезживший рассвет застал их лежащими вповалку: в позе зародыша, поджав ноги к животу, лежал Вовчик; ничком, с подвёрнутой неловко рукой — Пельмень; плашмя, широко разбросав руки, — Витька, и на боку с неестественно вытянутыми ногами — Чук.

Мрачный и зловещий ночной лес, который не ранее как пару часов назад представлял смертельную опасность для мирных путешественников, теперь выглядел вполне обыденно: в нём, как и во всяком другом лесу, росли самые обыкновенные деревья, на полянках цвели всевозможные цветы, спели ягоды брусники, а на зелёном мху были насыпаны позолоченные солнцем иголки сосны.

Витька открыл глаза и долго бессмысленно пялился в небо, где клубились пепельные облака. Потом встал, помотал головой и, не слыша звуков, похлопал ладонями по ушам. Обретя привычное состояние, где место есть звукам и другим присущим человеку чувствам, огляделся.

— Пацаны, — тревожным голосом спросил он, — вы живые?

Упираясь руками, пробуксовывая на мокрой траве, не сразу поднялся неповоротливый Пельмень.

— Мы-то?.. Мы живые... Только башка раскалывается, — он скривил своё толстощёкое лицо

и, как давеча Витька, слегка потрянул головой, на всякий случай придержав её ладонями.

Невдалеке ковырялся похожий на обессилевшего цыплёнка Вовчик. После очередной неудачной попытки подняться на ноги он мудро смирился со своей нелёгкой участью и на коленках пополз к ребятам, почти касаясь носом земли. Ползти ему оставалось совсем ничего, как неожиданно он замер с приподнятой рукой, будто охотничья собака, сделавшая стойку на дичь. Постояв в таком неловком положении, Вовчик почему-то раздумал следовать дальше и медленно попятился, не сводя своего немигающего взгляда с земляного бугорка.

— Эй, ты куда? — удивились товарищи.

— Там это... — только и смог сказать Вовчик, отползая, видимо, на исходную позицию.

Подозрительно приглядываясь к тому месту, которое не решился преодолеть слабохарактерный учёный, Пельмень с Витькой подошли и обомлели, увидев отчётливый гусеничный след.

Пельмень заволновался и спешно начал озираться по сторонам, будто надеялся разглядеть среди деревьев замаскированный танк, который только и ждёт момента обрушить всю свою огневую мощь на беззащитных мальчишек, а может быть, и просто раздавить их, как слизняков, чтобы не шатались по лесу и не вынюхивали важные солдатские тайны.

Витька пожевал губу и задумчиво проговорил:

— Значит, это было всё по-настоящему... А не привиделось...

— И... и... и что же делать? — пискнул вконец сломленный Вовчик. А тут ещё, отползая, он упёрся во что-то задом. Оглянувшись и, увидев в траве распростёртый уже окоченевший труп собаки, будто ужаленный резво отпрыгнул, вскочив на ноги. — Там это!.. Чук раздавленный!.. — заорал он тотчас окрепшим голосом и спрятался за Пельменя, с перепугу посчитав его надёжным щитом от бронированной техники.

Пельмень, нервы которого после всего случившегося совсем расстроились, от такого предательского поступка ошалел настолько, что начал выталкивать Вовчика вперёд, истерично выкрикивая:

— Не прячься за меня!.. Не прячься!..

Спохватившись, что Чука действительно нигде не видно, Витька, презирая опасность

оказаться под танком (негоже командиру выдавать страх перед подчинёнными), подошёл к травяным зарослям.

Чук лежал весь в крови и остекленевшими глазами смотрел на Витьку.

— Его не раздавили, — помолчав, хрипло сказал Витька, покусывая подпрыгивающие губы, чтобы не разреветься, как девчонка. — Он умер от потери крови... Нас защищая...

Мальчишки несколько минут постояли в скорбном молчании, отдавая последние почести преданному псу, не зная, как теперь оправдываться перед гостеприимным Петровичем, который доверился им настолько, что без всякого опасения оставил одних хозяйничать на кордоне. А они надежды его обманули...

Чтобы Чуку не так грустно было лежать одному на необитаемом острове, похоронили его под кустом жимолости, который по весне всегда цветет веселенькими цветочками. А пока Вовчик из ромашек и васильков набрал букетик и положил его на свежий холмик.

28

Тут же на могиле трое друзей торжественно поклялись отомстить банде чёрных копателей, скрепив страшную тайну своей кровью, расковыряв пальцы сосновыми иголками.

— Только ведь мы можем и не успеть отомстить, — в отчаянии заметил Пельмень. — Сегодня из нас кто-то должен умереть.

Вовчик, у которого уже имелся горький опыт умирания, представив, что букетик лежит на его могилке, вздрогнул и торопливо сказал:

— Давайте мстить, как договаривались... Угнем лодку и заявим в милицию...

На что Витька с возмущением возразил:

— Пока мы будем плавать туда-сюда, они весь остров перекопают... Не-ет, теперь для нас стало делом чести схватить этих гадов самим... А уж потом они пускай перед судом отвечают по всей строгости закона...

— Никому от них покоя нет, — добавил Пельмень, — ни живым, ни мёртвым.

— А как же люди в плащах? — спросил Вовчик, отводя глаза от собранного им букетика.

— А мы с ними договоримся! — вдруг заявил

Витька. — Пускай они нас сегодня не трогают, и мы навсегда избавим остров от чёрных копателей.

— Так они тебя и послушались, — недоверчиво хмыкнул Пельмень.

— Для них же лучше, — пожал плечами Витька и для пробы негромко позвал: — Э-эй! Есть здесь кто-нибудь?

Кругом стояла такая тишина, будто всё вымерло, и Витька позвал громче:

— Эй, солдаты! Я к вам обращаюсь! Вы слышите меня?

Не получив ответа, он двинулся в лесные дебри, отводя ветви от лица и время от времени окликаая:

— Э-эй! Солдаты!

Деревья жалобно скрипели, будто стонали души погибших солдат, укоряя живых, что по сей день не похоронены.

Увидев берёзу, переплетённую с дубом, Вовчик, озираясь по сторонам, шёпотом сообщил:

— Если вот так растут деревья, значит, на этом месте была загублена чья-то добрая душа... И если какой-нибудь человек под таким деревом уснёт, то во сне может увидеть несчастного, чья душа томится в этом дереве...

— Откуда ты знаешь? — поразился таким сведениям Пельмень.

— В одной старинной книге вычитал, — сказал Вовчик и, видимо, для того чтобы исключить всякие сомнения по поводу столь уважаемой книги, прибавил. — О-о-о-о-очень старинная книга.

После такой сильной характеристики Пельмень дурацких вопросов больше не задавал, а разинув рот всё оглядывался на необычное дерево, пока оно не скрылось за другими ничем не примечательными деревьями.

Неожиданно лес закончился, и мальчишки вышли на луг, который курился холодной дымкой.

— Эй, солдаты, — загорланил Витька, — не трогайте нас!

В этих страшных местах даже не было эха.

— Мы сегодня будем сражаться с чёрными копателями, — и, чтобы людям в плащах было более понятно, о ком идёт речь, пояснил: — которые Пузырь и Слон.

Неизвестно, были знакомы призраки с теми

двумя плохими дядьками, но только кто-то отозвался:

— А!

— Услышали! — обрадовался Витька, поглядев на своих приятелей. — Вы где?

— А! — опять отозвался таинственный голос.

— Мы идём к вам! — крикнул счастливый Витька, и все трое, обжигая босые ноги о холодную росу, пошли в его сторону.

Голос оказался на редкость неуловимым, он слышался то с одной стороны, то с другой.

Поддавшись азарту, Витька вёл свой небольшой отряд быстрым походным шагом, кое-где переходя на бег. Если бы командир, пребывающий на радостях, оттого что дело продвигается как надо, вёл себя более осмотрительно, он легко смог бы догадаться, что голоса просто так не перемещаются. Зачем самому обыкновенному голосу играть в прятки, если по всему видно, что он хочет быть обнаруженным? Не иначе в этом таится какой-нибудь злой умысел...

Подумай так, и Витька не поддался бы на обманный голос, который долго кружил их по лугу только для того, чтобы вывести отряд от важных разведчиков прямо на противопехотную мину. С самой войны она терпеливо поджидала какого-нибудь ротозея, чтобы совершить своё чёрное дело. Дура-мина при срабатывании не различает ни своих, ни чужих, сея вокруг себя смерть на десятки метров.

Когда такая смертоносная штука оказалась точно на пути отряда, голос перестал метаться и отзывался с одного места.

— А!

— Эй! — весело покрикивал Витька, идя на верную смерть.

По всему выходило так, что в этот день первым суждено было погибнуть командиру, без которого, понятное дело, никакая армия не может оказать стоящего сопротивления и быстро разбивается противником наголову.

Сквозь просветы в листьях за кровавой развязкой холодно наблюдало несколько пар глаз.

Плавки — единственное, что было надето на мальчишках, — пропитались росой, и, чтобы они не сваливались, их всё время приходилось придерживать.

— Ничего, — обнадёживал подчинённых Вить-

ка. — Вот договоримся с солдатами... и всё будет в порядке... Выйдет солнышко, обсохнем и пойдём брать в плен Пузыря со Слоном.

— Так они тебе и сдались в плен, — опять завёл своё зануда Пельмень.

— А кто их будет спрашивать? — удивился Витька. — Руки вверх, и все дела!

— А если что — по башке! — вдруг расвирипел Пельмень. — А то ишь ты, придумали устраивать пытки едой... — он размахнулся и сшиб рукой алую метёлку ни в чём не повинного кипрея. — Такое даже настоящие палачи не способны выдумать... Лучше бы уж калёным железом пытали... Всё легче.

Витька, беззаботно шагнувший впереди, посмеивался, слушая вполуха Пельменевы угрозы. До мины Витьке оставался один-единственный шаг, после которого его и без того недолгая жизнь могла навечно оборваться.

В глазах лесных наблюдателей блеснул кровавый огонёк, который бывает у людей, привыкших видеть смерть противников.

Витька поднял ногу, чтобы шагнуть в небожие... и неожиданно опрокинулся на спину, подвергнувшись нападению сверху. Птица, про которую они совсем успели позабыть, видимо, приняла Витькину голову за обыкновенный череп, сцапав его острыми когтями. Но унести с собой целого мальчишку у неё не хватило сил, и птица выронила его, до крови исцарапав ему лицо. Перепугавшись, что голова, которую он всегда считал своей, была уготована для гнезда в качестве очередного страшного трофея, Витька во весь дух помчался в обратную сторону, петляя как заяц.

Позади, почти не касая земли, неслись Пельмень с Вовчиком, оглашая окрестности дикими воплями:

— А-а!

Птица, раздосадованная тем, что добыча ускользнула прямо из когтей, совершив ещё несколько безрезультатных налётов, совсем потеряла голову и влетела со всего маха в дерево, застряв в кроне. Ломая сучья и свои огромные крылья, птица кричала таким отвратительным голосом, что мальчишки бежали без оглядки ещё три километра.

Забившись в самую глушь, где не только было не слышно птицы, но и собственных голо-

сов, едва переведя дух, Витька стал инструктировать ребят:

— Значит, так... Раз с солдатами у нас ничего не вышло, будем на свой страх и риск драться с чёрными копателями. Сейчас идём в землянку и вооружаемся до зубов... Потом окружаем вражеский лагерь и берём Пузыря со Слоном в плен...

— Так они тебе... — привычно разинул было рот Пельмень и тут же осёкся под суровым беспощадным взглядом своего командира, не сулившим спорщику ничего хорошего.

— Берём в плен и сдаём в милицию, — закончил инструктаж Витька, только слегка изменившись в лице. — Всем всё понятно?

— Мне понятно! — торопливо согласился Пельмень и посмотрел на Вовчика, будто бы он был не совсем уверен в его умственных способностях.

— Каждый отвечает за себя, — раскусил его Витька и показал кулак. — Если что, то вот!.. — но что он конкретно имел в виду, Витька уточнять не стал, видно, посчитав это достаточным аргументом для осмысления всего хода предстоящей операции.

29

Вскоре диверсионный отряд двинулся к зарослям орешника, и всё затихло, если не считать шорохов и частых вскриков, когда диверсанты натыкались на сучья или попадали в крапиву, обойти которую не было никакой возможности из-за разросшегося кругом колючего шиповника.

В лесу становилось жарче.

По расчётам командира, отряд должен был прийти в означенное место примерно через час. Но по причине отсутствия у них карты острова отряд банально заблудился.

Они долго плутали по лесу, выискивая следопытские приметы: с какой стороны ствола больше мха, а муравейник положе — там и север. Кольца на пеньке всегда бывают толще, а сучья на деревьях гуще с южной стороны. Но лес тут был какой-то неправильный: в нём всё росло сумбурно. Конечно, не потеряй Витька компас, было бы намного проще ориентироваться по сторонам света, да какой от этого

толк, если, как оказалось, никто не знал, что с ними делать, когда стороны определились, потому что в какой стороне землянка, они не запомнили.

— Пойдёмте просто так, — мудро рассудил Вовчик. — Глядишь, и придём.

Отряд, не разбирая, где север, а где юг, устало побрёл дальше и вышел к ельнику, за которым находилась брусничная поляна.

Неожиданно Витька подал рукой знак остановиться и, быстро присев на корточки, принялся сосредоточенно разглядывать что-то на земле.

Команда, столпившись за его спиной, с любопытством вытягивала шеи, стараясь заглянуть ему через плечо:

— Чего там?

— Следы! — тревожным шёпотом сказал Витька. — Босые — наши и ещё чьи-то... У этих вот рисунок, какой бывает у кроссовок... А другие как будто с каблуком... Не иначе где-то поблизости Слон с Пузырём шастанут...

— Ящик с оружием ищут, — догадался Вовчик и быстро завертел своей головой во все стороны. При этом у него даже заметно двигались уши, торчавшие по бокам как два локатора.

— И, наверное, уже нашли, — дополнил Пельмень.

Тем временем глаза у Вовчика округлились, как у трусоватого зайца, и стало понятно, что «локаторы» шевелились не напрасно. Через секунду подтвердил это и сам обладатель замечательных ушей:

— Слышите?

Впервые прославленный разведческий слух Витьку подвёл: как он ни старался затаить дыхание и как ни прилаживал ладони к своим ушам, ничего такого не услышал.

— Ну как же? — волновался Вовчик. — Вот же, вот... слышите? Кто-то разговаривает...

Чтобы окончательно не подорвать свой авторитет, Витька с наигранной бодростью сказал:

— А вот мы сейчас посмотрим, кто там такой разговаривает!

Он безбоязненно прошёл сквозь ельник, развинул кусты и взглянул на поляну.

Солнце припекало так сильно, что воздух накалился, как в парилке. Смороённые жарой, поникли травы и листья на деревьях. В густом

дрожащем мареве лень было двигаться даже стрекозе.

И только Пузырь со Слоном изо всех сил трудились: обливаясь потом, они волокли ящик, путаясь ногами в брусничной поросли. По их виду похоже было, что они уже находились в состоянии войны, потому что то и дело воровато озирались и вполголоса переругивались.

— Куда прёшь, дубина? — злился Пузырь, с трудом вытягивая больную ногу из травы. — Не видишь, застрял?

— А нечего было костёр на снаряде разжигать, — огрызался Слон. — Сейчас ходил бы, как все нормальные люди ходят...

Это ещё больше заводило слабосильного Пузыря, и он всё пытался как-нибудь изловчиться, чтобы достать вконец обнаглевшего компаньона тростью.

— Удавлю, паскуда, — злобился он, дрожа мясистым подбородком. — Век воли не видать!

Слон, отворачивая от него лицо, мстительно ухмылялся и назло ему делал шаг шире.

— Сейчас уплывут, — встрепенулся Пельмень. — Погрузят ящик в лодку, и все дела.

Отважный Витька не любил долго раздумывать.

— Надо у них лодку украсть! — сказал он решительно и зашагал в сторону вражеского лагеря так быстро, что Пельмень и Вовчик едва за ним поспевали.

— А если у нас не получится? — спросил осторожный Вовчик.

— Там будет видно! — отмахнулся Витька.

Дорогой подобрали сиротливо валявшийся в кустах рюкзак.

— Цельй! — обрадовался Витька своему рюкзаку.

Лодка крепилась цепью к нависшему над водой дереву, опоясав его несколько раз, будто толстая анаконда, и замыкалась на замок таких размеров, что сомневаться в его надёжности не приходилось. Оборвать железную цепь нечего было думать даже богатырю Пельменю. Но он, отчего-то возгордившись, взял весло и, просунув один его конец между звеньями, на другой, как на рычаг, надавил со всей своей силой.

В Древней Греции жил один знаменитый учёный по имени Пифагор, который заносчи-

во грозился перевернуть весь земной шар, если ему дадут точку опоры. В те времена люди были совсем не дураки, и никто ему этой самой злополучной точки не дал, чтобы не случилось какой-нибудь беды, что и произошло в случае с Пельменем: с его ухваткой дюралевое весло согнулось легко, будто алюминиевая ложка.

Пельмень озадаченно повертел его в руках и, вздохнув, произнёс:

— Лучше бы они вёсла делали прочными, а не цепи...

Вовчик, который стоял возле него с открытым ртом и, не отрываясь, наблюдал за его действиями, восхищённо воскликнул:

— Вот это силища!

И так разволновался, что схватил целое весло и хотел проделать то же самое, но только повис на другом конце как бесполезный балласт. Поболтавшись несколько секунд, Вовчик с отчаянием вскрикнул:

— Не получается!

— Мало каши ел, — благодушно заметил Пельмень.

Раздосадованный Витька схватил себя за висок и принялся так тереть, что чуть не вырвал его с корнями.

— Надо что-то придумать, — твердил он без передышки, как пулёмёт. — Надо что-то придумать! Надо что-то...

— Ключи нужны! — осенило Вовчика.

— Это несомненно, — солидно поддержал его Пельмень.

— Да откуда они... ключи-то? — трагичным голосом вскричал Витька. — Я, что ль, закрывал?

— Закрывал не ты, — согласился Вовчик, — а Пузырь и Слон, — и начал рассуждать: — Не будут же они ключи всё время с собой носить, чтобы в конце концов потерять их и остаться жить на острове до конца своей жизни. Значит, они прячут ключи где-нибудь в палатке. Значит, надо ключи быстро разыскать, пока они не вернулись... Вы здесь побудьте, а я сейчас! — последнюю фразу Вовчик выкрикнул уже на бегу, мелькая чумазыми пятками.

— Да-а... — глубокомысленно заметил Пельмень. — За ключами побежал.

— Давай всё тут получше осмотрим, — пред-

ложил Витька. — Может, нам повезёт, и без всяких ключей обойдёмся...

Пельмень, не долго думая, размахнулся и со всей силы ахнул покорёженным веслом по замку, потом, отвесив толстую губу и сдвинув брови, осмотрел его и сказал:

— Это вряд ли...

30

Между тем Вовчик, напрасно перевернувшись содержимое первой палатки, только принялся обследовать вторую, как услышал голоса возвратившихся хозяев.

— Меня не проведёшь, — бахвалился Пузырь. — Я враз раскусил эту мелюзгу. Кроме них, ящик взять некому...

— Да ладно тебе, босс, — бубнил Слон. — Всё ништяк...

Вовчик, застигнутый врасплох, тотчас притаялся в уголочке. Но переждать не лучшее для него время не вышло, потому что чёрные копатели волокли ящик прямо к палатке.

— Мы его сейчас заныкаем, — делился своими соображениями пребывающий в приподнятом настроении Пузырь. — Затем это дельце слегка сполоснём и начнём разрабатывать точку у высокой сосны... Носом чую: есть там чем поживиться!..

— Босс, — как маленький соврал великовозрастный детина по прозвищу Слон, — у тебя нос ну прямо как металлоискатель. — Потом подумал и, чтобы ещё больше улестить своего скупого хозяина, добавил: — Хотя сдаётся мне, что металлоискатель с твоим носом ни в какое сравнение не идёт.

— Что ж ты хочешь? — возгордился Пузырь. — За столько лет я на этом деле собаку съел.

После такого признания Слон посчитал уместным задать вопрос, который мучил его, видимо, с того самого момента, когда Пузырь погрозился лишить своего компаньона доли:

— Босс, как думаешь, на сколько косарей здесь товара?

У Вовчика не хватило выдержки дожидаться оценочной стоимости, и он с душераздирающим криком «Вот когда вы мне попались!» выскочил из палатки, как чёрт из табакерки.

Чёрные копатели вздрогнули и выронили ящик, но тотчас опять обрели свой устрашающий вид.

— Держи щенка! — завизжал Пузырь и от переполнившей его злобы затопал ногами, будто истеричная девица.

— Щас! — гаркнул Слон и встал в позу вратаря.

Вовчик сделал обманный финт, какие делают на поле футболисты, чтобы обхитрить своего противника, и очутился за их спинами.

Пузырь надулся, покраснев от натуги как рак, и с пеной у рта, так, что, наверное, было слышно на кордоне, омерзительным голосом завопил:

— Удавлю-у-у!..

Витька и Пельмень, которые битых полчаса пытались отомкнуть замок, ковыряясь в нём ножичком, одновременно поглядели в ту сторону.

— Наших бьют! — издал боевой клич догадавшийся Витька и, сиганув через борт лодки, что мочи понёсся к палаткам.

Пельмень как держал весло, так с веслом наперевес и побежал спасать Вовчика, топя ножичками, как добрый конь.

Вёрткий, будто юла, Вовчик носился по лагерю как угорелый и, чтобы сильнее досадить своим преследователям, без сожаления рушил всё на своём пути: полетели вверх тормашками стол и приставленные к нему стулья, с брезента посыпались в траву разобранные части проржавевшего оружия, опрокинулся в костёр котелок с ухой, что особенно не понравилось прожорливому Слону, вызвав у него яростный приступ бешенства.

— Ах ты, сопля зелёная!

Он растопырил свои ручищи и, нервно подёргивая щекой, угрожающе двинулся на Вовчика, загнанного между палатками.

— Мелкий, сейчас я тебя в бараний рог буду гнуть... Медленно-медленно...

Затравленно оглянувшись по сторонам, Вовчик выкрикнул:

— Врёшь, не возьмёшь!

И, бросив в лицо Слону пучок тут же вырванной травы, ловко проскользнул между его широко расставленных ног.

— Это называется — взять на испуг, — просветил он тёмного в этих делах Слона и тотчас увернулся от подоспевшего Пузыря.

Огромный Слон, вконец опозоренный малявкой, аж завыл от досады:

— Всё-о-о! Считаю, ты уже не жилец!

Он выдернул из земли сапёрную лопатку и, перехватив её в черенке, словно копьё, метнул в кривлявшегося перед ним мальчишку. Но Вовчик оказался не дурак и, прежде чем скрыться в лесу, будто между прочим прихватил с собой и лопатку, чем основательно расстроил чёрных копателей, оставшихся без своего орудия производства.

— Придурок! — завопил Пузырь. — Руками теперь будешь рыть землю!

— Да пошёл ты! — огрызнулся Слон и размашисто зашагал к стоявшим неподалёку Пельмению и Витьке.

— Бежим! — выкрикнул Витька и, круто развернувшись на пятках, помчался к спасительным деревьям.

Пельмень раздумывал не более секунды, а потом бросил весло и понёсся следом, аж селезёнка внутри ёкала.

Им не повезло видеть, как Пузырь подскочил к Слону и, подпрыгнув, вцепился ему в волосы. Упав на землю, они стали по ней кататься. Конечно, знай мальчишки о предстоящем сражении своих самых заклятых врагов, они ни за что бы не упустили возможности поглазеть на такое интересное представление. А так радостное для них событие прошло стороной...

Увидев ожидавшего их Вовчика, Пельмень и Витька подбежали к нему.

— Это ты здорово придумал, — ликовал Витька, — оставить их без лопаты. Вот они позлятся!

Пельмень взял у Вовчика сапёрную лопатку и, повертев её в руках, сложил пополам, быстро разобравшись, как готовить лопатку к далёким походам.

— Очень удобная штука, — сказал он. — Только они просто так нам её не оставят. Будут теперь нас по всему острову разыскивать, чтобы назад отнять такую удобную лопатку.

— Вот и хорошо! — воскликнул Витька.

— Чего ж в этом хорошего? — поразился Пельмень такой легкомысленности. — Поймают и опять привяжут к дереву. Их здесь вон сколько... деревьев-то.

— Мы их сами поймаем, — совсем расхрабрился Витька. — Заманим и свяжем.

— Куда заманим? — заинтересовался Вовчик.

— А куда будет надо, туда и заманим, — кроважно ухмыльнулся Витька. — Только вначале нам надо подготовиться, — и он со всеми подробностями поделился своим планом предстоящей военной операции. — А там загрузим их в лодку и отвезём в милицию... Скажем: разбирайтесь с ними теперь сами, а нам некогда, мы даже ещё и дома не были. И как ни в чём не бывало уйдём, — закончил Витька своё красноречивое повествование под одобрительные возгласы преданной команды.

31

Весь день стояла невозможная жара, а тут поднялся ледяной ветер, стали раскачиваться и скрипеть деревья.

Мальчишки с тревогой начали озираться, выжидая, с какой стороны в этот раз появятся незваные гости.

Из-за сосны, на которой только что угощались дятел, вышел их старый знакомый с перебинтованной головой и заткнутым за пояс гимнастёрки пустым рукавом — командир погибшей роты, и прокричал:

— Сейчас... из вас... троих... кто-то... должен... умереть... Кто?.. Решать вам...

— Почему это из троих, а не из двоих? — спросил Витька, стараясь оттянуть время до расстрела. — Ведь один уже умирал... Это недоразумение.

После, как показалось Витьке, секундного замешательства призрак непреклонно ответил:

— Из троих...

Видимо, в обязанности мертвеца ни в коем случае не входило мыслить, а является это исключительно правом только живого человека.

Витька почувствовал себя увереннее и заорал:

— Чего заладил — из троих, из троих? Даже если вы нас всех троих расстреляете, всё равно ничего не изменится. Потому что во всём виноваты чёрные копатели... Это из-за них вы бродите по острову, как... как... как неприкажные призраки. А вы нашли безобидных мальчиков, — прибеднился Витька, — и давай их пугать!.. Да ещё всё время грозитесь расстрелом... А за что, сами не знаете? Чего ж вы

Пузыря со Слоном до смерти не запугаете? Сказать нечего?

— В них... нет... сострадания...

— А раз в нас есть сострадание, давай нас расстреливать! — разошёлся Витька. — Это как понимать?

— В них... нет... сострадания... Поэтому... они... нас... не видят...

— Тогда их расстреляйте, — посоветовал добрый Витька. — Или тоже не можете? — съехидничал он.

— Не можем, — грустно вздохнул призрак. Наверное, от того, что поневоле пришлось расписаться перед незнакомыми мальчишками в своей полной беспомощности перед обнаглевшими бандитами.

— Мы вам поможем, — сказал Витька, глядя на призрак с сожалением, как на больного, долго страдающего неизлечимой болезнью. — Мы сами с ними расправимся. Только, чур, нам не мешать!..

— Не пугать и не расстреливать, — подхватил Пельмень, ещё не совсем веря в такое счастье, что с этой минуты его жизни ничего не будет угрожать.

— Хорошо, — помолчав, пообещал призрак.

— И вот ещё что, — спохватился Витька. — Нам бы автомат... Хоть один... Хоть какой...

Военный строго поглядел ему в глаза и, не оборачиваясь, позвал:

— Рядовой... Иванов...

Из-за сосны появился ещё один красноармеец — молоденький, по-ребячьи угловатый, с рваной дырой в животе, откуда вываливались сизые дымящиеся, словно только что после бомбёжки, кишки.

— Я!

— Отдайте... автомат... Петрова... — командир вопросительно поглядел на Витьку.

— Командиру летучего диверсионного отряда Картошкину, — прерывающимся голосом доложил старый вояка Витька.

— Картошкину...

Витька запотевшими руками прижал автомат к груди и звонко крикнул:

— Служу Отечеству!

— Только... это самое... не обманите нас, — неловко попросил командир. — Устали мы маяться непохороненными.

Витька, преисполненный важности момента, крепко заверил:

– Можете на нас положиться!

У командира на прокопчённом от солнца и разрывов лице мелькнуло подобие улыбки:

– Удачи вам, парни!

И они с красноармейцем осыпались, превратившись в июльское марево.

Деревья перестали раскачиваться, наступила необыкновенная тишина.

Витька свободно выдохнул и рукой обтёр мокрый от пота лоб:

– Уф, и бестолковые эти призраки.

Пельмень поменялся в лице, быстро окинул взглядом окружавшие их деревья и зажал ему рот.

– Молчи, – зашипел он в самое ухо, – а то они услышат и передумают... А мне ещё жениться охота... – непонятно с какого перепугу признался он.

– Митрофанушка! – прорезался голос у Витьки. – А ещё обижаешься на Фантомаса, что он так говорит...

– Вот дурак-то! – ухмыльнулся Вовчик.

– Это не сейчас, – мигом оправдался осрамившийся жених, – а когда вырасту, – и вызывающе спросил: – А вы, может, скажете, не будете жениться?

– Оно нам надо! – пренебрежительно скривился Витька и вдруг неизвестно с чего рассвирепел: – Нечего тут нюни распускать! Ишь ты, жених какой выискался! Люди в беду попали, а он жениться надумал! Тоже мне... ухажёр!

– А я чего? Я ничего! – испугался разъярённо-го командира Пельмень. – Я как все!

– Дать тебе сучком по башке, – не мог смириться Витька с коварными намерениями своего самого закадычного друга. (Слыханое ли дело – променять мужскую дружбу на девчонки!) – Враз из твоей пустой головы такая глупость выскочит!

Между тем отчаянно размахивающий руками Витька начал свои движения замедлять и наконец совсем прекратил, с недоумением взирая в пустые ладони:

– А где же автомат?

– Я не брал! – быстро отрёкся Пельмень, напуганный тем, что его могут обвинить и в краже автомата.

– Да-а... – вздохнул Вовчик. – Неувязочка вышла...

Витька стал делать пальцами хватательные движения и сокрушаться:

– Как такое могло случиться? Я же его только что держал... Вот этими самыми руками...

Вовчиковы глаза, и без того увеличенные линзами очков, расширились ещё больше, и он заговорщицким голосом произнёс:

– Пацаны, а может, это сон?

Пельмень был рассеян и всё чему-то усмехался.

– Ты чего? – спросил Вовчик. – Не веришь или уже окончательно... – тут он хоть и прикусил язык, чтобы ещё сильнее не травмировать Пельменя, но и так было понятно, что он не договорил.

– А такое разве бывает, – опять усмехнулся недоверчивый Пельмень, к счастью, не заметив намёка, – что мы все видим один и тот же сон?

Вовчик пожал плечами и ответил:

– Выходит, бывает.

Витька, хмуро уставившись в землю, продолжал машинально сжимать и разжимать кулаки, а потом вдруг, осенённый мыслью, выпалил:

– Ущипните меня!

И, видя нерешительность своих подчинённых, угрожающе возвысил голос:

– Ну!

Пельмень слегка сдавил пальцами его плечо и поинтересовался:

– Больно?

Витька мотнул головой:

– Ни капельки.

Тогда Пельмень набрал в лёгкие побольше воздуха и, прикинув расстояние до ближайшего дерева, со всей силы сжал Витькину кожу на животе в кулак, тут же резко отскочив.

– Больно! – взревел Витька не своим голосом.

Вовчик, с заинтересованным видом наблюдавший за экспериментом, поправил указательным пальцем очки на переносице и авторитетно заключил:

– Не-ет, это не сон. Это явь!

– И я так подумал! – подтвердил Пельмень.

– А где же тогда автомат? – зловещим голосом полюбопытствовал Витька.

Но Вовчика смутить было трудно:

— Как это ни прискорбно будет слышать, но автомат — сон!..

— Призраки не сон... Автомат — сон, — принял бурчать Витька, будто маленький старичок. — Тут хоть кто запутается... Голова лопнет...

— А ты о нём не думай, — не растерялся Вовчик, — голова и не лопнет.

Эта мысль Витьке понравилась:

— Не буду... Ну если только чуть-чуть... Всё-таки интересно, куда он подевался?

— А куда девается призраки? — в свою очередь спросил Вовчик и сам ответил: — Туда и автомат подевался.

— Обхитрили они нас, — жалобным голосом сказал Пельмень. — Я так и знал!

Витька почесал затылок и махнул рукой:

— Ну и ладно! Мы и без автомата с чёрными копателями справимся! Что за важность!

32

Диверсанты обсудили некоторые мелочи предстоящей операции и тут же приступили к осуществлению: вырыли глубокую яму, заложили её ветками и сверху набросали для маскировки травы. А неподалёку от ямы поперёк положили сухое бревно, которое с трудом приволокли из чащи. Потом согнули молоденькую берёзку и привязали её за макушку к вбитому в землю колышку. Правда, с берёзкой пришлось повозиться, потому что она никак не хотела сгибаться, и лишь когда все трое диверсантов на ней повисли, с неохотой подчинилась. Затем из верёвки связали петлю наподобие лассо и тоже привязали к вершине, искусно разместив её в траве и листьях так, что имей ты хоть тысячу самых зорких глаз, ни за что её не заметишь. А если даже и посчастливится кому-нибудь заметить, то всё равно он подумает не на замаскированную верёвку, а на свернувшуюся в кольцо змею, и с испугу убежит куда глаза глядят, а не присвоит её себе.

Когда всё было подготовлено к намеченной операции, диверсанты с самым решительным видом отправились во вражеский лагерь.

Для того чтобы операция прошла успешно и с незначительными потерями с их стороны, но

ещё лучше вовсе без потерь, вначале провели рекогносцировку местности. Таким мудрёным словом называют военные разведку, которую делает сам командир. И эта самая рекогносцировка неожиданно дала очень ценные результаты: Пузырь не восседал на стульчике, как обычно, а беспрестанно расхаживал по лагерю взад и вперёд, нервно прикладывая мокрое полотенце к фиолетовому глазу. Слон молча сидел под деревом и в зеркальце, будто какая-нибудь модница, с отвращением разглядывал своё исцарапанное в кровь лицо, которое выглядело так, как если бы его драли сто злобных кошек одновременно.

Порадовавшись, что в стане врагов произошла размолвка с применением насилия, Витька шёпотом сосчитал от десяти до одного и выпрыгнул из кустов, словно разъярённый тигр.

— Дрожите, гады! — оглушительно заорал он, нагоняя страх на чёрных копателей. — Конец вам пришёл!

За ним с криком «ура!» бросился в атаку весь личный состав.

А так как после геройской вылазки Вовчика крушить в лагере стало особенно нечего (за выяснениями отношений между собой времени на то, чтобы привести в порядок территорию, у компаньонов не было), диверсанты принялись ещё больше поднимать кавардак, разбрасывая далеко по сторонам все, что попадалось им под руки.

Такого мощного натиска первым не выдержал Пузырь, который, по всему было видно, находился в очень расстроенных чувствах. Он настолько разозлился, что не смог промолвить ни единого слова, только широко разевал рот, будто издыхающая на берегу рыба, да дико озирался, бессмысленно ворочая вылупленными белками глаз.

Диверсанты, остановившись от него на безопасном расстоянии, начали изощрённо кривляться, вызывая нервного Пузыря за ними погнаться.

— Хулиганы! — наконец осилил он выкрикнуть дрожащим от злобы голосом, брызгая слюной во все стороны. — Вот я вас!

Размахивая цветным полотенцем, как знаменем, Пузырь перешёл в контратаку, бросившись на мальчишек, надолго испортивших ему спокойную жизнь.

Но диверсанты мужественно дождались, когда он подбежит поближе, и юркнули в кусты перед самым его носом.

Оставшись ни с чем, Пузырь, запыхавшись, полез следом, бормоча, будто заклинание:

– Найду! Поймаю! Удавлю!

Слон как сидел, так и продолжал сидеть, с любопытством следя за разыгрывавшимся на его глазах представлением, словно находился в театре, куда ему посчастливилось попасть при полном аншлаге. Он увлёкся так, что не заметил, как случайно раздавил хрупкое зеркальце, которое держал в руках. И только когда участники спектакля скрылись в кустах, Слон поглядел на кровоточащую ладонь, вытер её о свои безразмерные штаны и, неуклюже поднявшись, зашагал следом за ними.

Пузырь настиг тяжёлого в беге толстого мальчишку и уже готовился насладиться учинённой над ним беспощадной расправой, как с самим произошло нечто такое ужасное, буквально перевернувшее его и без того несчастную жизнь вверх ногами.

Витька, который убежал далеко вперёд и теперь таился в кустах, с удовольствием черкнул лезвием ножичка по натянутой как струна верёвке.

Берёзка, обрадованная тем, что ничто больше не удерживает её за макушку, гордо выпрямилась, и Пузырь, ловко заманенный в петлю, повис вниз головой.

– Есть! – ликующе выкрикнула дружная троица, вскинув вверх кулаки.

Пузырь, раскачивающийся высоко над землёй, словно боксёрская груша, в истерике принялся грозиться всевозможными карами на головы охотников за чёрными копателями.

– Поговори мне! – показал ему внушительный кулак Пельмень.

Тогда Пузырь торопливо сменил гнев на милость.

– Чего я вам такого сделал? – заныл он хуже девчонки. – За что вы меня так ненавидите? Кровь в голову нальётся, и я умру. Отпустите меня...

Вовчик взглянул в его раскосые от ужаса глаза и весело заметил:

– Кровь в глаза пока не натекла. Поживёшь ещё... немного.

– Мальчишки, – стал взывать к их совести Пузырь. – Пожалейте меня... хроменького... Ну отпустите... пожалуйста... Что вам стоит?..

– А ты погибших солдат пожалел? – предъявил ему обвинение Витька. – Не пожалел. А они ведь теперь сами за себя не могут постоять. – И зловецким голосом вынес приговор: – Вот и виси на дереве, пока тебя голодные волки не сожрут. А жрать они начнут с головы, потому что выше им не достать, – безжалостно подсказал Вовчик и, помолчав, добавил:

– Сначала с ушей, потом с носа...

В подвешенном состоянии Пузырь соображал довольно быстро, наверное, оттого, что обвисшее брюхо давило своими кишками ему на мозги.

– Помогите! Спасите! – фальцетом завопил он, призывая на помощь своего компаньона. Однако на его отчаянные мольбы никто не обратил внимания. По всему было видно, что, пока он мучился, его компаньон неизвестно где праздно шатался, и Пузырь перешёл к угрозам:

– Козляра! Паскуда! Удавлю!

Но не прошло и минуты, как несчастному Пузырю что-то подсказало, что в его положении угрозы выглядят просто смешными, и он, враз вспомнив имя своего компаньона, вдруг изменившимся голосом жалобно запричитал:

– Тимоша! Тимошенька! Спаси меня, родной!

Потянув ещё какое-то время для того, чтобы Пузырь побольше настрадался, Слон вломился в кусты, подняв на весь лес такой треск, будто бежало целое стадо мамонтов.

Застигнутые врасплох диверсанты растерянно застыли на месте, глядя во все глаза на приближавшегося скачками ужасного верзилу.

– Держи их, Тимоха! – радостно завизжал Пузырь, смотревшийся в подвешенном виде как освежёванный поросёнок.

На какое-то мгновение Слоноу впопыхах даже показалось, что перед ним не загорелые до черноты мальчишки, а самые настоящие дикари, которые готовили себе пищу, собираясь разводить костёр под его боссом, предназначенным для жаркого, что вполне разумно в силу его откормленного вида.

– Дикарей к ногтю! – рыкнул он громовым голосом и, видно желая заграбастать всех сра-

зу, распахнул, будто для объятия, свои похожие на грабли ручищи.

Но и над ним судьба посмеялась, чтобы впредь не имел привычки тревожить могилы погибших за родину солдат: он угодил ногами в яму и со всего маха неудачно приложился головой о бревно, потеряв сознание.

— Есть! — хлопнули друг друга по рукам дикари и запрыгали, выкрикивая: — Получилось! Получилось!

Пузырь скривил своё отёкшее лицо, как от непереносимой зубной боли, и протянул:

— У-у-у!

— Теперь он надолго в отключке, — пояснил ему ухмыляющийся Витька, глядя на беззастыдливо развалившегося во весь рост Слона.

Пузырь обречённо прикрыл глаза и заскулил, словно маленький щенок, которого лишили свободы.

В сторонке ребята посовещались, и юркий Вовчик куда-то стремительно убежал. Вернулся он через несколько минут с верёвкой, неся её через плечо, как заправский ковбой лассо.

— Во! Целый моток нашёл в палатке, — объявил он. — Теперь сколько угодно можно их заматывать. Не жалко.

33

Пузырю заняться было нечем, и он, приоткрыв один глаз, начал подглядывать за мальчишками, которые суетились возле здорового Тимохи, словно муравьи вокруг мухи. Прямо на глазах они в момент превратили его в опутанную верёвками мумию, оставив свободной только голову.

— У, бандит! — сказал Витька, с чувством пнув неподвижное тело.

— А с этим что будем делать? — спросил Вовчик, оглядывая со всех сторон начавшего синеть Пузыря.

Витька оценивающим взглядом окинул его с головы до ног и сказал:

— Можно его, конечно, на костре изжарить... А можно и в милицию сдать.

— Лучше в милицию, — взмолился Пузырь. — Я не люблю, когда меня на костре поджаривают.

— Так уж и быть, — смиловился Витька. — Сдадим тебя в милицию.

За то короткое время, что Пузырь провёл не совсем в удобных для человека условиях, он явно начал перевоспитываться, потому что тут же выпалил:

— Спасибо!

— Не стоит благодарностей, — великодушно сказал Витька. — На нашем месте так поступил бы каждый...

— Как? Как ты сказал? — начал давиться от смеха Пельмень. — Это тебе ничего не напоминает?

— А чего это мне должно напомнить?

Хохот обуял Пельменя, он корчился, задыхался, пытался что-то сказать, но не мог.

Витька ещё какое-то время продолжал на него смотреть сузившимися глазами, а потом стукнул кулаком по его спине. Правда, не так сильно, как хотелось, но и этого оказалось достаточно, чтобы Пельмень собрался с силами:

— Ну как же? Забыл? А толстая тётка?

— Вот ты о чём! — сообразил Витька и стукнул его по спине ещё два раза уже от веселья. — Как же, помню!

Пузырю их загадочный разговор совсем не понравился, из него выходило, что одну тётку уже постигла незавидная участь жаркого. Он начал лягаться свободной ногой и вопить на весь лес:

— Хо-чу в ми-ли-цию-у! Хо-чу в ми-ли-цию-у!

Через минуту он так наловчился, что его вопли стали похожи на организованное скандирование болельщиков на стадионе. Только Пузырю было не до бессмысленных кричалок типа «Шай-бу! Шай-бу!», и он завёл своё:

— Хочу в милицию! Хочу в милицию! Хочу в милицию!

Витька ладонью утёр слёзы, но, продолжая ещё вздрагивать от смеха, торжествующе поднял палец:

— Вот! Если захотеть, любого человека можно наставить на путь истинный. Даже такого безнадежного, как этот обормот!

— Наверное, у него детство было трудное? — предположил Вовчик.

Пузырь хоть и попал в ловушку, оказался совсем не ослом и быстро схватился за подсказку, как утопающий за соломинку.

— Меня в детстве не любили, — заныл он самым тонким голосом, на какой был способен

в силу своего взрослого возраста, отчего у него голос стал ещё противнее. — Поэтому я такой и злой... как Кощей Бессмертный, — и, чтобы сильнее разжалобить ловцов, пустил самую настоящую слезу. — Отпустите меня... Я больше так делать не буду.

— Мы, конечно, отпустили бы, — доходчиво растолковал ему Витька. — Только дело в том, что за все, что вы натворили на этом острове, надо отвечать по всей строгости закона. А иначе никак нельзя, — и он развёл руками, показывая тем самым, что бессилён что-либо изменить в его положении.

— В тюрьму мне неохота, — с чувством поделился Пузырь. — Там очень плохо.

Пельмень придал своему добродушному лицу зверское выражение и сказал:

— Значит, будем жарить.

— Только не это! — дёрнулся Пузырь, будто уже опалённый пламенем костра.

Не сводя с него пристального взгляда, Витька укоризненно произнёс:

— Так всё-таки определись, что с тобой делать. В тюрьму или...

— Пускай уж в тюрьму, — с тихой злобой согласился Пузырь.

Витька снисходительно кивнул:

— Так тому и быть. Вяжите его.

На руки, которые свисали у Пузыря как плети, накинули петлю и туго связали. Витька забрался на берёзу и обрезал верёвку, что наглядно продемонстрировало в действии закон земного притяжения: обмякшее тело, как и следовало ожидать, шмякнулось вниз, где оставшиеся в меньшинстве диверсанты, конечно же, его не удержали. Полёт хоть и оказался скоротечным, при котором и напугаться-то как следует не успеешь, привередливый Пузырь всё же обиделся и высказал:

— В милиции вас за это тоже не похвалят.

Но Витька на его нытьё не обратил внимания, а, молча и серьёзно глядя на связанного по рукам и ногам Пузыря, задумчиво произнёс:

— Как же нам этого бегемота в лагерь доставить?

Вовчик тоже задумался, глубокомысленно подняв глаза, и через какую-то минуту выдал:

— Помните, в учебнике истории картинка была нарисована?... Первобытные люди несут дикого

поросёнка... Ну там это... связали ему руки и ноги, продели между ними палку и понесли...

Вовчикова мысль Витьке очень понравилась. Вот что значит человек учёный, а не обалдуй какой-нибудь!

— А что, вполне нормально, — одобрил её и Пельмень и даже, проявив инициативу, припёр из леса кривой толстый сук, видимо, срезанный вчерашней молнией. — Годится?

Витька ножичком обрезал лишние ветки и, взвесив сук в руках, вздохнул:

— Тяжеловат будет! Да ещё этот...

— Не бойсь! — беспечно отмахнулся Пельмень. — Вы двое на том конце, а я тут... — и он, поплевав в ладони, деловито осведомился: — Ну что, несём?

Витька просунул сук между ногами и руками связанного Пузыря, и они с Вовчиком через силу подняли конец со своей стороны, а Пельмень, поднатужась, — со своей.

Беспокойная жизнь на острове настолько подорвала силы диверсантов, что они плелись, еле передвигая ноги, будто траурная процессия. Из-за этого приходилось отдыхать часто и подолгу. Когда наконец добрались до лагеря, во избежание лишних хлопот, связанных с какой-нибудь выходкой с его стороны, Пузыря дополнительно привязали к вбитому глубоко в землю колышку прямо посреди полянки.

— Ты пока тут попасись, — враждебно сказал Витька, — а мы за твоим другом сходим.

Рослый Слон весил уже явно не одну тонну, поэтому всю обратную дорогу разговор вели о нём.

— Я больше на себе никого не попру, — категорично заявил Пельмень. — Меня и так уже на одну сторону кособочит.

— Меня тоже, — поддержал его слабосильный Вовчик, ноги которого время от времени заплетались, и тогда он спотыкался и падал вперёд, отчаянно размахивая руками, чтобы сохранить равновесие.

— Не оставлять же его в лесу, — сказал Витька.

— А что, — загорелся Вовчик, — давай оставим!.. Привезём сюда милиционеров, они пускай и ворочают их...

Витька презрительно оттопырил губу:

— Какой ты после этого разведчик и дивер-

сант, если даже пленника не можешь доставить куда надо... Трепло ты, вот кто!

Вовчик насупил и до самого местоположения Слона шёл молча, глядя прямо перед собой.

Зато обленившийся Пельмень не унимался и выдвигал одну идею несуразнее другой.

— Можно этих самых... в плащах позвать, они его и отнесут...

— И нас вместе с ним, — подсказал Витька.

— Тогда картошку из лагеря принести и его по ней перекатить... как по роликам...

— Тебе тут не асфальт, — осадил его Витька.

— А в траве картошка сама забуксует.

— А если вместо картошки брёвнышки подложить?

— Где их взять? — хитро любопытствовал Витька. — Ты ж не будешь их заготовливать?

Пельмень так мотнул головой, что аж весь передёрнулся, и, недолго помолчав, обрадованно выкрикнул:

— Тогда мы его будем просто перекачивать с боку на бок... как бревно.

Но и такой вариант Витька отмёл с ходу как несостоятельный:

— Кусты будут мешать... Да и между деревьями этого борова не протащишь.

Пельмень, разозлённый тем, что его предложения, с таким трудом придуманные, не находят у командира должного понимания, остановился и яростно прокричал:

— Всё не по тебе!.. Что ни скажу, всё не так!.. Сам тогда ломай свою бестолковую башку!

Витька нахмурился, зачем-то потрогал свою голову, но промолчал, так как за кустами виднелась уже разноцветная панамка Слона. Чёрный копатель лежал всё так же неподвижно, с закрытыми глазами, и если бы не пульсирующая жилка на виске, а дополнительно руки сложить бы ему на груди и сунуть в них зажжённую свечку — ни дать ни взять самый настоящий покойник. По-видимому, ударился Слон безо всякого обмана, потому что даже такой верзила, как он, и то непозволительно долго находился уже без сознания.

— Будем транспортировать волоком, — решил Витька. — Всё равно он ничего не чувствует.

— Волоком и я согласный, — пошёл на мировую Вовчик и подал дельный совет: — Тут через каждый метр можно отдыхать с комфор-

том... Посидел на нём и дальше тащи... хоть до самой Африки!

Диверсанты впряглись в верёвку и поволокли Слона ногами вперёд, опять-таки как покойника.

— Тьфу, тьфу, — сплюнул суеверный Пельмень.

34

Вот когда мальчишкам посчастливилось на себе испытать, что значит работать бурлаками, о чём рассказывал на уроках истории Фантомас. Конечно, Слон ни в какое сравнение не шёл с гружёной баржей или даже порожней, но и с ним пришлось изрядно намучиться, пока доставили его к месту складирования чёрных копателей.

Не успели отойти, как Вовчик предложил немедленно опробовать придуманный им метод отдыха, сославшись на усталость. Его охотно поддержали, и диверсанты рядышком, будто воробьи, разместились на поверженном Слоне. Необычный способ получил у них полное одобрение и вызвал желание отдыхать почаще, чтобы сильно не перетрудиться. Но подвёл их не вовремя очнувшийся Слон. После очередного такого отдыха, когда его опять поволокли, верзила открыл глаза и, снизу с удивлением глядя на нависавшие у самого лица травяные заросли и сделавшиеся в одночасье высокими, словно эвкалипты, деревья, заволновался:

— Э, куда вы меня тащите?

— Топить, — брякнул Пельмень, которому изрядно надоело возиться с пленными.

Это только с виду их интересно в плен брать, а как свяжешься, так одна морока с ними. Столько труда приложили к их поимке, а теперь ещё вот таскай на себе, как каких-нибудь египетских фараонов.

— Я тебе дам топить! — припугнул Слон и начал извиваться как червяк, мешая ребятам тащить его.

Пришлось остановиться, сесть передохнуть на жившего Слона мальчишки постеснялись.

— А что прикажешь с тобой делать? — спросил Витька.

— Как что? — Слон даже опешил от такой постановки вопроса. — Развязать.

Все страшно удивились:

— Это почему?

— А что я такого сделал, — спросил непонятливый Слон, — чтобы меня топить, как Герасим свою Му-му?

— Могилы солдат раскапывал! Вот чего! — гаркнул Витька.

Представив, в какую неприятность он влип, Слон без зазрения совести быстро всю вину переложил на своего компаньона:

— Это не я. Это всё тот жирный кот.

Но Витька тотчас обличил его в обмане, заявив:

— Я сам видел, как ты лопатой могилки расковыривал.

— Ты сам как кот-обормот, — обозвал его Вовчик и пнул ногой.

— Это не считается, — оправдываясь, жалобно забубнил Слон. — Потому что делал я это не по своей воле. Я подчинённый, а подчинённые делают всё, как им прикажут их боссы...

Витька пренебрежительно окинул его своими круглыми в крапинку глазами и сказал:

— А вот сейчас проведём очную ставку и узнаем. Поехали, пацаны.

Ударяясь головой о неровности дороги, Слон опять поволочился за диверсантами, громко сокрушаясь:

— Дурак я, дурак! Зачем я его только слушался?.. «Копай, копай!» А мне бы взять и отказаться. А ещё лучше — залепить ему в глаз, чтобы не измывался над доверчивым человеком.

С таким запоздавшим раскаянием Слона и доставили в лагерь.

Скучавший в одиночестве Пузырь то ли от тоски, то ли оттого что испугался, что его бросили одного в лесу, лежал на боку возле своего колышка и часто всхлипывал, крупно вздрагивая всей своей тушей.

— Вот и дружок твой пожаловал, — ещё издали оповестил его Витька. — Теперь вам веселее будет.

Заплаканное лицо у Пузыря было перепачкано соплями вперемешку с землёй.

Пельмень заликовал, указывая на него пальцем:

— Смотрите, он землю ел! Здорово, наверное, проголодался! Это тебе не надо мной голдным издеваться!

Пузырь с отвращением пожевал и сплюнул чёрный сгусток.

— Ты особенно тут не расплёвывайся, — предупредил его Витька. — А то рот кляпом враз заткну. Каждый тут на цветы будет плевать... своей ядовитой слюной, — и, грозно сдвинув к переносице брови, спросил: — Понял?

Пузырь, враждебно вращая покрасневшими глазами, упорно молчал.

— Ты что, язык проглотил? — возмутился Витька. — Отвечай, когда тебя командир особого отряда спрашивает.

Вовчик, почувствовавший неладное, хлопнул ладонями по своим коленкам:

— Точно! Он язык откусил и проглотил его, чтобы в милиции ни в чём не признаваться. А чтобы мы не заметили, землёй его замаскировал. Ох и хитрец!

Диверсанты, не сговариваясь, навалились на Пузыря и стали насильно разжимать его рот, чтобы окончательно удостовериться в таком, на первый взгляд, диком поступке, а на самом деле очень даже разумном. Намучаются на допросе в милиции с ним да и отпустят на все четыре стороны — что взять с увечного и к тому же неграмотного человека...

С замиранием сердца мальчишки заглянули ему в рот, набитый землёй, и тотчас отпрянули.

— Вы видели? — вытаращил глаза Вовчик.

— А ты что видел? — осторожно спросил Витька.

— Как обрубок болтается!

— И я это видел, — подтвердил Пельмень. — Только сначала не поверил глазам...

— Вот дурак-то! — сказал Витька.

— Кто? — не понял Пельмень.

— Да Пузырь этот самый. Был бы законопослушным, и язык не пришлось бы ему глотать. А теперь живи всю жизнь без языка, как истукан. Ни поговорить тебе, ни даже поругаться...

Слон, обрадованный тем, что теперь можно безнаказанно обвинять во всех смертных грехах безответного босса, торопливо принялся оправдываться:

— Это он, гад, придумал оружие раскапывать и торговать им. Как я его ни отговаривал от такого мерзкого занятия, так и не смог отговорить... Он из-за денег на любую подлость пойдёт...

Пузырь, лежавший возле него с нищенским видом и печально прислушивавшийся к разговору, неожиданно возмущился непривычно шепелявым голосом:

— Потштавить меня надумал, шволошь?

И так ловко брыкнул связанными ногами, что метко угодил ему в большую голову, что, кстати, прошло незамеченным в силу поразившего Слона изумления:

— Так ты не онемел?

— С щего пы это?

Во рту у Пузыря недоставало двух передних зубов, и в щербинку было видно, как внутри болтался целый и невредимый язык.

Первым сообразил Витька:

— Это он... хотел... колышек... зубами... выдержать... чтобы... от нас... сбежать, — неудержимо хохотал он, держась за животик.

— Я тоже так подумал, — ревниво заметил Вовчик, — только сказать не успел.

— А я с самого начала догадался, — небрежно ответил Пельмень, — только вас хотел испытать — догадаетесь или нет?

Таким образом, выяснилось, что все подумали одинаково, но до поры молчали по разным причинам. Вот что значит одна команда, которую какому-то там Пузырю ни в жизнь не обхитрить, и Витька, обращаясь к нему, ухмыльнулся:

— Эх ты, тюха-матюха!

Этим он окончательно опозорил оконфузившегося Пузыря. Даже Слон застыдил своего знакомства с таким дураком, как его босс, и презрительно отвернул лицо.

— Теперь в лодку! — воскликнул нетерпеливо Пельмень. — И до свидания, неприветливый остров!

Но он напрасно подумал, что его приятели обрадуются долгожданному возвращению домой: надо было похоронить останки, потревоженные чёрными копателями, чтобы геройски погибшие солдаты перестали бродить по острову вечными призраками.

И Витька сурово ответил:

— Никаких лодок! Будем хоронить останки.

— Я к ним гробовщиком не нанимался, — заартачился Пельмень, который в мечтах уже пребывал дома и за обе щеки уплетал знаменитые материны пирожки.

— Если мы этого не сделаем, кто же ещё сдела-

ет? — пришёл на помощь своему командиру Вовчик. — У них вся надежда только на нас.

И Пельмень смягчился:

— Это вы напрасно думаете, что я такой бессердечный... Конечно, не годится, если они будут вот так всё время маяться на земле... Где лопата?..

Витька дружелюбно похлопал его по плечу и тихо сказал:

— Всем домой хочется... Потерпи ещё немного...

Пельмень покраснел и поскорее отвернулся:

— Да я ничего...

Витька сложил ладони рупором и, повернувшись к лесу, крикнул:

— Эй, солдаты, выходите!

Пузырь от его голоса вздрогнул, и лицо у него приобрело выражение, как если бы он только что раскусил кислое яблоко:

— Уже милицию вызвали... Оперативно работают пашаны...

— Эй, солдаты, — опять крикнул Витька, — выходите!

Пельмень с Вовчиком напряглись и во все глаза стали всматриваться в кусты. Прошло несколько томительных минут, и из леса потянуло знобким холодком. Распаренная кожа мальчишек покрылась пупырышками величиной с горошины.

Пельмень обхватил себя руками и, сдвинув колени, начал тереть ими друг о друга:

— Идут...

Вовчик, стуча зубами, согласился:

— Ага...

35

Из леса выползло белое облако и стало густеть, клубиться, будто дождевая тучка, постепенно приобретая очертания знакомых красноармейцев.

Когда превращение завершилось, Витька смело шагнул им навстречу и чётким командным голосом доложил:

— Товарищ капитан, преступники пойманы и обезврежены... Теперь вам ничто не угрожает...

Слон, не видя работников милиции и тем более призрачных солдат, тревожным голосом осведомился:

— Чего это он? Пугает, что ль?

Пузырь запаниковал:

— Какое там пугает! Они с ума сошли. Теперь могут сделать с нами всё что угодно... Утопить или ещё что-нибудь ужасное... Ненормальные же люди! — в отчаянии воскликнул он.

— ...Можете отдыхать спокойно, — продолжал докладывать Витька. — А нам надо ещё кое-какие дела здесь завершить...

— Могилки закопать, — сказал Пельмень.

— В могилы нас закопают, — перевёл Слопу насмерть перепугавшийся Пузырь.

— Не хочу в могилу! — не своим голосом заревел Слон.

Красноармейский командир поглядел на бившегося в истерике верзилу и спросил у Витьки:

— А с этими что будет?

— В тюрьму посадят...

— По закону военного времени их следует расстрелять, — жёстко сказал командир.

Вовчик, как человек учёный, мирный, не любящий скандалов и боёв, торопливо пояснил:

— Война давно закончилась!

В глазах сурового командира блеснула влага, голос дрогнул, когда он сказал, покусывая зачерствелые от пороховой гари и крови губы:

— Для кого закончилась, а для кого всё ещё продолжается...

Мальчишки потупили глаза, будто сами были виновны в том, что миллионы солдат, сложивших головы на поле брани, не похоронены, а которые похоронены, и тем нет покоя ни на том, ни на этом свете из-за всяких чёрных копателей. А ещё взрослые называются!

Витька сглотнул слюну, сделавшуюся вдруг горькой-прегорькой, и собрался твёрдо заверить командира в своей помощи, поднял глаза, но красноармейцев и след простыл, только в лес медленно втягивалось невесомое белёсое облачко.

У Витьки навернулись слёзы, он подхватил лопатку и метнулся к ближней яме, успев зло выкрикнуть:

— Чего рты поразевали?

Удержать упрямого командира было нельзя, и личный состав кинулся за ним.

Где сапёрной лопаткой, где просто руками они с каким-то остервенением принялись за-

сыпать рыжей землёй развороченные окопы, где нашли своё последнее пристанище воины.

Через час усиленной работы Витька вытер мокрое от пота лицо и, оглядывая будто кротами изрытое пространство, хрипло сказал:

— В горле пересохло... Пить охота...

— Ещё как! — поддержал его Пельмень, разглядывая свои ладони, с непривычки натёртые ручкой лопатки до кровавых пузырей.

У Вовчика по телу сочились потные грязные дорожки, отчего тело чесалось, не давая находиться Вовчику в спокойном состоянии. Это, видно, и подвигло Вовчика самому вызваться сбегать к палаткам за водой.

— Валяй! — махнул Витька и устало хлопнулся на холодную травку под дерево.

Рядом расположился Пельмень, закинув руки за голову.

Не успели они обмолвиться и парой слов по поводу дальнейших действий, вернулся взволнованный гонец, который так и приплясывал на ходу, так и озирался.

— Их нет! — выпалил он.

Витька даже не сразу понял, о ком шла речь, и переспросил, приподняв голову:

— Кого?

— Чёрных копателей, — сделал страшные глаза Вовчик, — вот кого!

Витьку аж подкинуло с земли, будто возле него разорвалась авиационная бомба, и он воскликнул:

— Где они?

Вовчик пожал плечами и, отвесив губу, развёл руками.

Весёлый солнечный день в глазах Витьки померк.

— Та-ак, — зловеще протянул он, — выходит, опять они нас обдурили...

— А может, ты их не заметил? — спросил легкомысленный и беспечный Пельмень, обращаясь к Вовчику.

На что возмущённый Вовчик, ткнув в свои очки растопыренными пальцами, сказал:

— У меня четыре глаза, и я что, по-твоему, не заметил двух бугаев?

От таких убедительных доводов Пельмень ступешевался и больше дурацких вопросов не задавал.

— «Не заметил», — тихонько злобился Вовчик.

— У меня глаз — алмаз. Уж если я не замечу, никто в жизни не заметит.

Витьке ничего не оставалось делать, как самолично разведать сложившуюся чрезвычайную обстановку. Он молча раздвинул кусты, и все трое с превеликой осторожностью двинулись к палаткам.

Как Вовчик и сказал, полянка пустовала, будто на ней сроду не было никаких Пузырей и Слонов, а росли как ни в чём не бывало алые цветочки и клевер. Самое поразительное, что исчез и колышек, не говоря уж о верёвках, которые должны были остаться от сбежавших пленников.

Пельмень озадаченно почесал затылок:

— Куда они могли подеваться?

Витька, как старый следопыт, определил:

— Раз нет верёвок, значит, они ещё связаны. А колышек, по всему выходит, Пузырь всё-таки зубами выдернул.

— Это и так можно догадаться, — хмыкнул Пельмень, — потому что сам по себе он не выдернется.

Витька присмотрелся к примятой траве:

— Вот здесь они катились...

— Здесь мы Слона волокли... — сказал Вовчик.

— Где?

— Вот тут, куда ты указываешь...

— Я об этом не говорю... Я о другом следе, — обиделся Витька.

Пельмень хоть и слыл тугодумом, неожиданно рассудил:

— Чего тут угадывать! Выдернули они колышек и под бугорок скатились к лодке, чтобы уплыть...

— Как же они заведут её? — спросил рассудительный Вовчик, — если у них руки связаны?

— Да мало ли как? — пожал плечами легкомысленный Пельмень. — Им бы только в лодку попасть.

— Точно! — заключил Витька как главный руководитель следствия. — Другого способа скрыться от наших карающих рук у них, бедолаг, нет.

Мальчишки рванулись было бежать к лодке, чтобы успеть задержать беглецов, как Вовчик вдруг завопил:

— Стойте!

— Чего ещё? — рассердился Витька, тормозя пятками о траву.

— Сучок пропал, на котором мы несли Пузыря...

— И что?..

— А то! — воскликнул внимательный Вовчик. — Значит, руки у них свободные. Развязались они...

Пельмень с Витькой остолбенело уставились в то место, где валялся здоровенный сук, которого действительно там не было.

Красивая полянка вдруг стала жутковатой и таинственной.

Озираясь по сторонам, трое разведчиков начали тревожно совещаться.

— Что будем делать? — спросил один.

— Может, пускай они уплывают, — несмело предложил второй.

— Никогда! — твёрдо заявил третий и отважно заорал: — Эй, чёрные копатели, выходите драться!

Полог у одной из палаток откинулся, и из неё появились разъярённые компаньоны. Оттого что они полдня лебезили как последние трусы перед сопливыми мальчишками, копатели с ужасными оскорблениями понеслись на застывших в изумлении друзей: Пузырь, тот просто орал, синяя лицом от натуги, а Слон к тому же ещё и размахивал пропавшим суком, будто Соловей-разбойник дубиной. Мстительные намерения отъявленных негодяев были налицо: удайся им схватить кого-либо из разведчиков, и того ждала бы незавидная участь вплоть до смертоубийства.

Витькин малочисленный отряд дрогнул и пустился в паническое бегство. Они неслись легко, будто на невидимых крыльях, слыша сзади злорадные крики Пузыря:

— Ату их, ату!

36

В лесу лёгкости в коленках слегка поубавилось, потому как подходящую дорогу выбирать в такой спешке не приходилось. Они продирались сквозь заросли сплетённой, как колючая проволока, ежевики; с ходу влетели в лесной овраг, выбравшись из него на карачках; миновали заросший крапивой и папоротником неизвестно откуда появившийся на их пути ручей; в особо тяжёлых условиях преодо-

лели горячие пески, утопая в них по щиколотку; пробежали через густую чащу ельника, в кровь исцарапавшись об иголки, хоть и были тела у них прокалённые на солнце и семи ветрах, и неожиданно упёрлись в болото.

— Всё!.. Дальше я ни ногой, — с трудом проговорил запыхавшийся Пельмень и плашмя упал на перепревшую хвою. — Пускай хоть что со мной делают... хоть терзают, хоть расстреливают... Но в трясину я больше не полезу... Лучше я на берегу умру...

Вовчик убежал на разведку, но скоро вернулся, тревожно доложив, что с трёх сторон их окружает болото, а с четвёртой насаждают преследователи, и таким образом отряд попал в западню.

— Убьют ведь! — тоскливо молвил тщедушный разведчик и с обречённым видом опустился рядом с Пельменем, который нашёл в себе силы слабым голосом произнести:

— Вы идите...

— Русские на войне своих не бросают, — решительно заявил Витька. — Будем стоять насмерть, — и он отправился на поиски чего-нибудь увесистого, многообещающе приговаривая: — Сейчас, сейчас...

Скоре послышались голоса старых знакомых злодеев.

— Нogu чёрт сломит в этих местах, — ругался Пузырь, видимо, жалея здоровую ногу.

В ответ Слон хрипловато басил:

— Ох и разомну я свои косточки... попадись они мне... Лишь бы не утопли...

На что Пузырь со злорадством вопрошал:

— А нам от этого какая печаль?

— Так-то оно так, — бубнил Слон, — только уж больно душа у меня разыгралась... Мести жажду... Они ведь, мелочь, нас чуть не угробили. Всех покрушу! — гаркнул он, топая в бешенстве ногами.

Вовчик испуганно подпрыгнул и, повернув к Пельменю бледное лицо, с надеждой спросил:

— Может, всё-таки передумаешь, и пойдём через болото?

Пельмень без слов приподнял руку и вяло пошевелил пальцами, показывая, насколько безнадежны его дела.

От такой безысходности Вовчик, чтобы не расплакаться, закусил губу, да так сильно, что выступила кровь.

Откуда-то вынырнул Витька и зашептал:

— Быстро за мной! Я там кое-что нашёл!..

Это было сказано таким голосом, что сразу стало ясно: не пустяк командир нашёл, а что-то действительно серьёзное.

Вовчик повернулся и как сидел, на четвереньках, чтобы не заметили преследователи, юркнул под разлапистую ель. А вот неуклюжий Пельмень себя выдал, чуть не угодив в лапы чёрных копателей. Но и тут выручил смекалистый Витька.

Он поднял с земли какую-то ржавую железку и метнул в их сторону, страшным голосом заорав:

— Ложись!

Пузырь, наученный горьким личным опытом, без промедления подчинился. Он ткнулся носом в перепревший пласт хвои и затаился, прикрыв голову руками. Слон, не мешкая, растянулся рядом.

Витька погрозил им кулаком и скрылся в кустах.

Прошло довольно много времени, прежде чем чёрные копатели осмелились приподнять головы. Самое обидное для них было увидеть возле себя не грозную гранату, а обыкновенную железку. Получилось так, что опять эти скверные мальчишки выставили их в неприглядном свете!

Перенести очередное унижение у Пузыря не хватило сил. Он настолько разозлился, что стал вертеться на месте, бессмысленно размахивая руками и подпрыгивая:

— Раздавить их, как вонючих клопов!.. Как тлю!.. Как, как... Видеть их больше не могу!.. — И тут же без всякой логики заорал: — Подай мне их сюда, и я удавлю их собственными руками!..

Он сорвал свой головной убор из газеты и начал яростно разрывать его на мелкие части:

— Вот вам! Вот! Вот!

Слон, зная его неуравновешенный характер, на всякий случай отступив, сказал:

— Слышишь, босс... прекращай истерику. Надо мелкоту ловить...

— Да давить её, давить! — принялся выкрикивать Пузырь, наверное, основательно тронувшись умом на почве мести.

Между тем разведчики, пригнувшись и петляя по-заячьи, добежали до кривого деревца, росшего на границе болота и леса.

— Ничего не замечаете? — загадочно спросил Витька своих подчинённых.

Пельмень с Вовчиком, повертев головами по сторонам, в один голос признались:

— Нет, а что?

Хитро поглядывая на них, Витька медлил, чтобы оттянуть торжественный момент, а потом нагнулся и приподнял железный круг, больше схожий с огромной сковородкой, который на самом деле оказался люком, потому что под ним зияла чёрная пустота.

Полюбовавшись удивлением личного состава, Витька сказал:

— Насколько я соображаю, это башня от танка... Правда, я туда ещё слазить не успел... Скорее побежал за вами, чтобы вас эти придурки не схватили...

Отчётливо донёсся шум пробиравшихся сквозь тещу преследователей, и Витька, скомкав своё повествование, быстро закончил:

— Легки на помине! Прячемся!..

Из леса вывалились распаренные компаньоны, все в паутине и увешанные репьями, будто виноградными гроздьями. Они выглядели совсем как странствующие голодранцы.

— Не понял, — протянул Слон, с отвращением выплюнув каким-то образом очутившегося у него во рту паучка, уже придушенного и облюновленного. — Куда это они пропали?

— Может, утопли? — спросил Пузырь, с надеждой оглядывая болото.

Слон прислушался к гнетущей тишине на болоте и покачал головой:

— Что-то не похоже...

В замкнутом пространстве башни, где в душной тесноте затаились мальчишки, растревоженная пыль стала проникать им в ноздри. Надолго диверсантов не хватило, и они принялись отчаянно чихать, будто соревновались между собой.

— Слышишь? — тотчас встрепенулся Пузырь.

— А то, — ухмыльнулся Слон и как дурачок довольно загыкал: — Гы! Гы!

Определить тайное место для прожжённых злодеев оказалось парой пустяков.

— Приехали! — сказал Слон и сверху постучал своей дубиной. — Поезд дальше не идёт... Прошу освободить места...

На что из-под земли глухо донеслось:

— Нам и здесь неплохо!

— С голоду сохнете, — по обыкновению начал страшить Пузырь.

И опять голос снизу, правда не совсем уверенно, ответил:

— Ну и пускай!

— А может, договоримся по-хорошему?.. Вы же умные ребята, — польстил Пузырь.

Внизу некоторое время помолчали, потом спросили:

— Как это?

Вопрос, видно, чёрных копателей обнадёжил, они переглянулись, и Пузырь спешно пояснил:

— Мы вас отпускаем, а вы про нас в милицию ни гу-гу...

— Так мы несогласные!

Пузырь затрясся, как старый скряга над сокровищами, но сдержался и, поглаживая скрюченными пальцами броню, умильным голосом обратился:

— Ну зачем вам всё это?.. Зачем строить из себя героев?.. А мы вам за молчание знаете что купим... Что бы вы хотели?..

Его предложение, не достойное внимания настоящих мужчин, было отвергнуто самым решительным образом:

— Всё равно вас посадят в тюрьму!.. Если не за осквернение солдатских могил, то за торговлю оружием, это точно!

Пузырь аж позеленел, но тут в переговоры вмешался Слон, который сказал:

— Ну и сидите... А мы пошли...

И для видимости потопав на месте, настороженно замер, видно, готовясь схватить одурченных беглецов.

Но засевшие в башне оказались не из тех, кого легко можно обвести вокруг пальца: на провокацию они не поддались, но, раскусив дешёвую уловку чёрных копателей, нарочно громко захохотали. А немного погодя, для того чтобы ещё сильнее досадить таким неразумным дуракам, дружно ахнули богатырскими голосами подходящую к случаю песню:

*Три танкиста, три весёлых друга,
Экипаж машины боевой!*

Одного куплета хватило для того, чтобы окончательно вывести Пузыря из себя. И тогда он совершил то самое страшное, на что был способен в силу своего испорченного с детства характера.

Он сказал:

— Надо запереть их в башне... Тогда они точно не будут нам помехой... — И презрительно добавил: — Герои-смертники.

Недобро посмеиваясь, Слон прокомментировал:

— Это называется покушением на жизнь человека, используя его беспомощное состояние...

— А мне плевать, как это называется! — быстро заговорил Пузырь, с ожесточением размахивая руками. — Сопляки сами подписали себе приговор, встав между мной и деньгами...

Слон тоже очень хотел иметь деньги и был не прочь услужить своему боссу. Он только и мечтал о том, чтобы они скорее посыпались на него шуршащим дождём и чтобы этот дождь, несомненно, был зелёного цвета и с изображением чужого президента.

— Понял, босс! — оживился Слон. — Сейчас мы это дельце организуем в лучшем виде!

— В темпе! — распорядился Пузырь и, опершись на трость, погрузился в угрюмое молчание.

После недолгого метания у кромки Слон обнаружил упавшее дерево, которое, по-видимому, было подмыто гиблыми водами болота, потому что лежало вместе с корнями. Обхватив комель своими ручищами, будто зажав его в огромные тиски, Слон поволок дерево к башне. Его черепашьё передвижение не соответствовало тому темпу, который был задан ему боссом, и Пузырь, глядя на отчаянную борьбу человека с природой, поспешил на помощь, чем ещё больше усугубил положение, потому как просто держался за толстый сук, а Слону приходилось тащить уже не только дерево.

С переменным успехом где-то человек брал верх над природой, то природа над человеком, неблизкий путь был преодолен, и дерево зловещим предзнаменованием было размещено на башне, придавив тяжёлыми корнями люк.

Пузырь с гордостью оглядел результаты своей работы и сказал:

— Ништяк, босс!

Пузырь для поощрения исполнительного компаньона стукнул его по плечу набалдашником трости:

— Молоток!

Потом подумал и добавил:

— Будешь меня во всём слушаться, через год прослывёшь кувалдой.

Слон скромно промолчал.

Пузырь с удовлетворением прислушался к наступившей в башне тишине и печальным голосом произнёс:

— Прощайте, парни... За эти два дня вы стали мне почти как родные... Но судьба-злодейка распорядилась иначе... Земля вам пухом...

Расчувствовавшись, он даже несколько раз подозрительно шмыгнул носом, затем щедро поделился с компаньоном своими планами на ближайшее время:

— Пойдём делать деньги, брат.

Слон от такого непривычного обращения не сразу пришёл в себя. Он ещё какое-то время шёл молча, пустыми глазами рассматривая синие цветочки в своих руках, совсем не помня, когда успел их сорвать. Потом быстро вернулся и положил лесные цветочки на башню, исполнив до конца древний ритуал.

Бойцы приуныли.

— Называется — «спрятались», — подал голос Вовчик и протяжно вздохнул.

И столько было в его вздохе горечи и невысказанной обиды в адрес прославленного командира, который в этот раз так глупо просчитался, что у Пельменя дрожал голос, когда он сказал:

— Теперь нам точно не выбраться.

Пельменю приходилось труднее всех по причине его толстой комплекции: он задыхался и обливался потом.

Чувствуя себя неловко перед личным составом, Витька преувеличенно бодро сказал:

— Ничего-о! И не из таких переделок выбрались!

Пельмень в темноте завозился, и Витька получил чувствительный тычок в бок, от которого, подскочив, дополнительно ударился головой о верх.

— Я нечаянно, — моментально повинился Пельмень, что на него совсем было не похоже,

и, как Витьке показалось, с плохо скрываемым ликованием в голосе.

У командира перед глазами поплыли светлячки, и тут он спохватился:

— У нас же с собой фонарик.

При свете выяснилось, что башня валялась не сама по себе, а крепилась к платформе, составляя с ней одно целое, именуемое во все времена грозным словом — танк.

Глаза у Витьки загорелись, и он, поглядев сначала на Пельменя, потом на Вовчика, поделился своими соображениями:

— Пацаны, это, наверное, и есть тот самый танк... Ну, который пропал в войну... Нам про него ещё Петрович рассказывал, будто это легенда...

— Вряд ли, — засомневался Пельмень, известный спорщик и любитель торговаться. — Его бы враз нашли... Ещё тогда...

— Ты что, дурак? Не видишь, что его в болото засосало? — грубо ответил Витька. — К тому же речь шла только об одном танке, а не о нескольких, как ты тут болтаешь...

Пельмень хоть насупись и замолчал, но с открывшимися вновь обстоятельствами вместе со всеми с трепетным вниманием начал разглядывать внутренний вид танка.

Глазастый Вовчик и здесь отличился:

— Смотрите, что это?

Витька поднёс фонарик близко к броне, и они прочли наспех нацарапанное послание: «Смерть фашистским оккупантам!»

Правда, саму надпись они благоразумно не стали озвучивать, помня о том, что всегда происходит что-то невероятное, когда произносится это имя вслух.

— Вот это да! — поразились мальчишки такому везению и слегка приободрились.

Витька протиснулся в отделение, где находилось место механика-водителя, и остолбенел, успев усилием воли подавить готовый вырваться крик. Негоже было командиру визжать как последняя девчонка! В кресле, крепко сжимая рычаги управления, сидел танкист в комбинезоне. Витька несмело посветил ему в лицо и содрогнулся, встретившись взглядом с пустыми глазами: танкист оказался скелетом.

С трудом сглотнув вмиг пересохшим горлом, Витька прохрипел:

— Идите сюда... Он здесь...

— Кто? — поинтересовался Вовчик.

— Тот малый... Танкист...

Пельмень настолько удивился сообщению, что необдуманно брякнул:

— Неужели живой?

Вовчик округлил рот и постучал себе по голве костяшками пальцев, умело изобразив звук пустой бочки.

— Ты не очень-то, — угрюмо буркнул Пельмень.

Щуплый Вовчик ловко скользнул между механизмами и смело (что вполне оправдывало расхожее мнение об истинных учёных как о людях безумных) заглянул в лицо черепа.

В упор рассмотрев ощеренные зубы, Вовчик коротко бросил Витьке:

— Это он!

— Думаешь?

— Тут и думать нечего! — с твёрдой убеждёностью сказал Вовчик. — Археологи всегда возраст людей по зубам определяют. Зубы у молодого и старого человека выглядят как земля и небо...

Витька опять посмотрел на танкиста и задумчиво произнёс:

— Представляете, он так сидит с самой войны... До последнего сражался... Геройский парень...

Он коснулся гвардейского значка, и комбинезон тотчас превратился в труху, а скелет с шорохом осыпался.

Пельмень горестно вздохнул:

— Вот и всё. Был человек, и нет его.

— Зато о нём в народе осталась легенда, — философски рассудил Вовчик и пожелал себе умереть такой смертью, чтобы про него тоже легенду сложили.

— Будет тебе легенда, — зловеще пообещал Пельмень. — Найдут твой скелет в танке военной поры, вот удивятся, как это мальчишка из двадцать первого века умудрился в него попасть!

Но Вовчик только возгордился такой перспективой:

— Пускай думают, что мы тоже воевали.

Рассудив, что не каждый день выпадает счастье посидеть за рычагами настоящего танка, Витька не без колебания занял место механика-водителя, мысленно вполне согласившись с Вовчиком: уж если умирать, то не ина-

че как следуя героическому примеру парня-танкиста.

Свет в фонарике потускнел, превратившись в едва различимое бледное пятно, и наконец погас окончательно — разрядились батарейки.

— Всё! — дружно вскрикнули герои и моментально прижухли, чуть дыша, совсем не готовые расстаться с жизнями в таком ускоренном темпе.

38

Между тем чёрные копатели праздновали победу.

Из магнитофона, который висел на сучке, лилась приятная музыка.

Слон сидел, склонившись над столом. В левой руке он держал помидор, который макал в соль, а в правой — кусок сухой колбасы. Поочередно запихивая в рот то одно, то другое, он запивал всё вином из литровой кружки.

Напротив, откинувшись на спинку стула, в расслабленной позе располагался Пузырь и, попивая мелкими глотками вино, плёл пространные рассуждения обо всём, что ему приходило в голову.

Слон, исподлобья поглядывая на своего босса, слушал, иногда невпопад хмыкая и кивая. Расправившись с харчем, он обтёр мокрые губы ладонью и поднялся из-за стола:

— Пойду оружие почищу.

Пузырь вальяжно махнул пухлой рукой:

— Валяй!

Слон уселся в траву возле расстеленного брезента, на котором были разложены найденные трофеи, и начал приводить их в рабочее состояние.

Пузырь допил, с удовольствием потянулся и, зевая с хрустом во весь свой лягушачий рот, проговорил:

— А я пойду прилягу... Что-то сегодня я переволновался.

И он расположился в тенёчке под деревом, закинув руки за голову. Покусывая оставшиеся зубами травинку, Пузырь предался сладостным мечтаниям, что особенно приятно было делать под задорную обнадёживающую песенку, которую исполняли весёлые девчонки. Они очень живописно расписали место,

где растут пальмы на берегу, чайки летают над волнами и где за любовь запросто дарятся сердца.

— Ловко в этот раз мы нарисовались... Скинем партию оружия, и «бабок» будет у нас не мерено... Куплю себе «мерс» цвета мокрый асфальт... Точила, я тебе скажу, супер! Только для реальных крутых пацанов... — Пузырь не поленился высвободить руку и сделать распальцовку в виде «козы», боднув её рогами воздух. — Слышь, брателло, — грубым изменившимся голосом «наехал» он на невидимого противника, — за базар ответишь! — и вполне довольный, что поставил на место дерзкого брателло, похихикав, озвучил новое пожелание: — Или махну на Мальдивы, а то и на Канары...

Не ведал Пузырь в эти счастливые минуты, как неузнаваемо изменятся его планы уже в ближайшее время по не зависящим от него обстоятельствам.

Витка, всем своим существом осознав, что терять им теперь нечего, обречённо возопил:

— Митяй!

И тут произошло чудо, которое мальчишки будут долго вспоминать: внутри танка что-то загудело и он ожил. Видимо, сжалился над ними геройский танкист, решив в последний раз помочь людям.

Вначале бойцы перепугались до дрожи в коленках, потом радостно заорали:

— Ура-а!

Витка дал газу, и танк, взревев мощными двигателями, вырвался из пленившего его болота, поднявшись на дыбы, как норовистый скакун. Сметая всё на своём пути, бронированное чудовище двинулось в сторону вражеского лагеря.

Пузырь, услышав, что в музыкальную композицию вклинился посторонний звук, рассердился:

— Кто смеет мешать мне наслаждаться музыкой?

Сильно же он удивился, когда, приподняв голову, увидел, как на них со Слоном грозно надвигается неизвестно откуда взявшийся на острове танк Т-34.

Слон вскочил на ноги и из автомата от живота дал очередь. Пули, звонко ударяясь в броню, отскакивали, не причиняя существенного вреда.

Уже на бегу Пузырь панически крикнул:

— Бежим к лодке!

Слон, отбросив бесполезный против танка автомат, тяжело бухая своими ножищами в землю, побежал следом, угнув лобастую голову и плотно прижимая локти. Пузырь бежал какими-то замысловатыми зигзагами, то и дело оглядываясь и закатывая глаза, как истеричная девица, подсакивая на больной ноге не хуже взъерошенного воробья.

До спасительной реки оставалось не более двадцати шагов, когда позади улепётывающих во весь дух чёрных копателей бабахнула пушка. Это неуклюжий Пельмень умудрился на своё счастье обо что-то задеть. В воздухе просвистел снаряд и, угодив точно в лодку, до самого неба взметнул водяной столб.

Пузырь и Слон оцепенели, глядя беспомощными глазами на покачивающиеся на воде крошечные щепочки — всё, что осталось от дорогой быстроходной лодки. В чувство их быстро привёл грозный гул приближающегося танка.

Скрежеща траками, он остановился в десятке метров от чёрных копателей, развернул башню и стволом пушки упёрся прямо им в грудь.

Глядя остекленевшими глазами в чёрное отверстие, Пузырь и Слон медленно подняли руки:

— Не стреляйте! Мы сдаёмся!

Потом каникулы закончились, и отважная троица превратилась в обыкновенных школьников, да не совсем...

Однажды в класс вошёл седой военный в пропыленной гимнастёрке и вручил им медали. Под завистливые взгляды одноклассников он крепко пожал мальчишкам руки и странно дребезжащим голосом сказал:

— Спасибо вам, парни! Вы совершили настоящий геройский поступок!

Говорят, что больше военного в городе никогда не видели. А историк Серафим Фёдорович всё никак не мог взять в толк, зачем понадобилось взрослому человеку наряжаться в форму офицера военной поры. На что мальчишки, конечно же, таинственно молчали.

А на острове с того времени появилась стая чакек, которые прежде в этих местах отродясь не водились. Кажется, что над островом колышется белое облако и сыплется снег. Легенда гласит о том, что это выются души уставших от войны солдат, которые спят здесь вечным сном...

□

Михаил Анатольевич ГРИШИН

родился в 1959 г. в с. Саюкино (Тамбовская обл.).

Прозаик, сценарист.

Автор четырёх книг прозы:

сборника рассказов «Дождь, самогон и коробка конфет»,

романов «Вкус мести», «Паутина»,

детской повести-сказки «Старая прялка,

или Необыкновенные приключения Витьки Картошкина».

Публиковался в журналах «Тамбовский альманах»,

«Литературные незнакомцы» и др.

Дипломант Международного конкурса детской

и юношеской художественной

и научно-популярной литературы им. А.Н. Толстого.

По результатам литературного конкурса «Российский сюжет»

романы «Вкус мести» и «Паутина» готовятся к экранизации.

Член Союза писателей России, Товарищества детских

и юношеских писателей России, Союза журналистов России.

Живет в Тамбове.

